

ПОМЕНЯТЬСЯ МЕСТАМИ

От автора «КВАРТИРЫ НА ДВОИХ»

БЕТ О'ЛИРИ

Бет О'Лири

Поменяться местами

Серия «Хэппи-энд (Neo)»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67286001

Бет О'Лири. Поменяться местами: Издательство АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-138146-2

Аннотация

Лина живет в Лондоне насыщенной жизнью: у нее отличные друзья, перспективная работа и прекрасные отношения, а еще панические атаки и нервный срыв. Ее бабушке Эйлин надоело чувствовать себя деревенской старушкой, она рассталась с мужем и готова к новым приключениям – вот только в йоркширской глуши не так много подходящих кавалеров. Устав от своих жизней, они решают на два месяца поменяться местами: пока Эйлин будет жить в Лондоне и искать любовь, Лина сможет отдохнуть в деревенской идиллии.

Но все куда сложнее, чем они ожидали. Эйлин тяжело среди жителей большого города, помешанных на гаджетах и личном пространстве. А Лине приходится разбираться в сложных взаимоотношениях сплетничающих соседей и собственных семейных проблемах.

Смогут ли Лина и Эйлин не просто поменяться местами, а изменить свою жизнь? Найти себя и, может быть, настоящую любовь?

Содержание

1. Лина	6
2. Эйлин	21
3. Лина	31
4. Эйлин	39
5. Лина	47
6. Эйлин	61
7. Лина	71
8. Эйлин	82
9. Лина	91
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Бет О'Лири

Поменяться местами

Beth O'Leary
THE SWITCH

Печатается с разрешения Darley Anderson Literary, TV & Film Agency и The Van Lear Agency LLC.

© Beth O'Leary Ltd, 2020

Школа перевода В. Баканова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

*Посвящается Хелене и Джанин,
моим отважным, мудрым и вдохновляющим
бабушкам*

1. Лина

– Би, а давай поменяемся? – говорю я поверх монитора, привстав со стула. – Боюсь, я не справлюсь. Может, ты начнешь презентацию, а я подхватчу ближе к середине? Я как раз к тому моменту... – Размахиваю руками в воздухе, демонстрируя, насколько я нервничаю.

– К тому моменту ты перестанешь делать пассы руками? – ехидничает Би.

– Ну, не издевайся! Я серьезно!

– Моя дорогая Лина! Моя путеводная звезда и любимая заноза в заднице! Ты прекрасно со всем справляешься! Это же не первая наша презентация. И давай не будем ничего менять за десять минут до встречи с клиентом. Потому что это безумная идея, и к тому же я понятия не имею, о чем речь на первых слайдах.

– Да, пожалуй, ты права... – Я опускаюсь в кресло, но тут же снова вскакиваю. – Только на этот раз мне действительно...

– Угу, – мычит Би, не отрываясь от экрана. – Совсем худо. Хуже не бывает. Колотит, ладони вспотели. Но никто этого и не заметит! Только зайдешь в переговорную, тут же вернется умная и очаровательная Лина. Как и всегда.

– А вдруг у меня...

– Все получится.

– Я правда не могу...

– Можешь.

– Но в этот раз...

– Лина, осталось восемь минут. Давай, вдох – выдох.

– Вдох – выдох?

– Ну, ты же помнишь, что человеку нужно дышать?..

– Блин! Я думала, ты про какую-то специальную технику.

– Технику! – усмехается Би и, помолчав, добавляет: – Ли-

на, ты сотни раз справлялась с более серьезными ситуациями.

Вздрагиваю от воспоминаний и покрепче сжимаю кружку с кофе. Страх внутри меня настолько реальный, что ощутим почти физически – камень, узел.

– Да, знаю...

– Нужно сменить настрой. Не дай страху победить! Ты же Лина Коттон! Самый молодой старший бизнес-консультант в истории «Сэлмаунт Консалтинг»! Лучший сотрудник прошлого года. А в будущем, – шепотом добавляет она, – сооснователь нашей собственной фирмы. Не забыла?

Забудешь тут. Только не чувствую я себя той самой Линой Коттон...

Би смотрит на меня, нахмурившись. Я закрываю глаза и пытаюсь отогнать страх – на миг получается: вспоминаю, что полгода назад подобная презентации казалась мне пустяком.

– Вы готовы? – К нам заглядывает помощник директора из компании «Апгоу», для которой мы и готовили презента-

цию.

Я встаю. Но ноги подкашиваются, и желудок сжимается. Хватаюсь за край стола. Черт. Это что-то новенькое.

– Ты в порядке? – шепчет Би.

Сглотнув, я до боли в пальцах стискиваю стол. На мгновение мне кажется, что я не смогу – у меня просто нет сил. Но вдруг возвращается уверенность.

– Все отлично, – отвечаю я. – За работу!

Что можно успеть за полчаса? Эпизод сериала не посмотреть, ужин не приготовить. А вот разрушить карьеру – это запросто.

Я боялась этого весь год, но все к тому и шло: я вечно о чем-то забывала и допускала мелкие оплошности. Раньше я себе такого не позволяла. Но после смерти Карлы все будто валилось из рук. Только я не сдавалась, думала, буду работать, стараться и все получится...

Очевидно, не получилось.

Я честно думала, что не переживу эту встречу. В университете у меня как-то случилась паническая атака, но что-бы такое... Я полностью потеряла контроль над собой. Узел страха словно развязался, выпустил щупальца, оплел меня по рукам и ногам и стал душить. Сердце так бешено колотилось, что уже не казалось частью моего тела, а было похоже на обезумевшую птичку, пойманную в ловушку грудной клетки.

Ошибиться в одной цифре было простительно. Но как только это произошло, подступила тошнота и я ошиблась снова и еще раз. Дыхание сбилось, мозг затянул... нет, не туман, а скорее ослепляющий яркий свет.

Наконец вмешалась Би: «Позвольте мне...» – но ее кто-то перебил: «Цирк какой-то...», и последними я услышала слова генерального директора «Апгоу»: «Думаю, мы видели достаточно...»

Я вылетела за дверь. Согнувшись пополам, я жадно хватала воздух, совершенно уверенная, что вот-вот умру.

– Все хорошо. Успокойся.

И вот мы сидим в углу офиса, Би сжимает мои руки. Я все еще тяжело дышу, блузка прилипла к спине.

– Ну-ну, все позади.

Я судорожно глотаю воздух.

– Контракт с «Апгоу» накрылся, да?

– Ребекка сейчас разговаривает с их директором. Уверена, все будет в порядке. Дыши и не думай об этом.

– Лина? – слышится голос из-за двери. – Как ты там?

Я сижу зажмурившись. Может, если не открывать глаза, то окажется, что это вовсе не помощница моей начальницы...

– Лина, это Цеси, помощница Ребекки.

И как только успела? От нашего офиса до «Апгоу» минут двадцать на метро.

– Ох, Лина! – Она присаживается рядом с нами и гладит меня по плечу. – Ну ты поплачь, бедняжка, поплачь. Легче

станет.

Я, вообще-то, и не плакала. Медленно выдохнув, я поднимаю взгляд на Цеси: платье от-кутюр и торжествующая улыбка... В сотый раз напоминаю себе, как важно поддерживать других женщин в нашем бизнесе. Я действительно в это верю. Это кодекс, которому я следую, и именно так я планирую добраться до вершины. Но женщины, знаете ли, тоже люди. А некоторые люди просто ужасны.

– Чем мы можем тебе помочь, Цеси? – цедит Би сквозь зубы.

– Ребекка велела провести вас после... конфузика. – Тут жужжит ее смартфон. – О, как раз она пишет!

Мы с Би напряженно замираем. Цеси читает сообщение бесчеловечно медленно.

– Ну, что там? – не выдерживает Би.

– А?

– Что сказала Ребекка? – спрашиваю я. – Она... Я сорвала подписание контракта?

Не отрываясь от экрана, Цеси склоняет голову набок. Мы ждем. Я чувствую приближение волны паники, готовой накрыть меня с головой.

– Ребекка все уладила. Она просто чудо! Проект оставили за «Сэлмаунт». Они отнеслись с пониманием, учитывая произошедшее... – Тут Цеси натягивает улыбочку. – А еще она хочет тебя видеть. Поезжай-ка в офис!

– В офис? – через силу переспрашиваю я.

– Ага. Тебя ждут в отделе кадров, пятый кабинет.

Ну конечно, где же еще можно подписать приказ об увольнении...

Мы с Ребеккой сидим друг напротив друга. Рядом с ней Джуди из кадров. Не на моей стороне стола – дурной знак.

Начальница поправляет волосы и смотрит на меня с болезненным сочувствием. Очень плохой знак. Обычно Ребекка жесткая, но справедливая, она мастер переговоров, но знает, когда пора стукнуть кулаком по столу... Однажды она сказала мне, что единственный путь к успеху – быть готовым к любым неожиданностям. Но сейчас она пытается быть милой, а значит, мне конец.

– Лина, – начинает она. – Ты как?

– В полном порядке! Пожалуйста, Ребекка, я все объясню. Мне просто...

Она хмуро отмахивается, и я умолкаю.

– Лина, я знаю, что ты профессионал, и я тебя за это обожаю... – Она бросает взгляд на Джуди. – То есть «Сэлмаунт» ценит твою... целеустремленность и преданность делу. Но давай начистоту: выглядишь ты дерьмовей некуда.

Джуди выразительно покашливает.

– То есть да, нам кажется, что ты немного измотана, – продолжает Ребекка. – Мы тут посмотрели... Ты вообще помнишь, когда последний раз ходила в отпуск?

– Это вопрос с подвохом?

– Лина, за последний год ты ни дня из положенных не отгуляла. Уж не знаю, как это получилось... – Она припечатывает Джуди сердитым взглядом.

– Я же говорила, что не знаю, как так вышло...

Зато я знаю. На словах отдел кадров, конечно, заиклен на ежегодном отпуске, но на деле они дважды в год рассылают письма о накопившихся днях, значимости «хорошего самочувствия» и «целостном подходе к раскрытию потенциала сотрудников» и на этом успокаиваются.

– Ребекка, у меня все хорошо, честно. Мне очень жаль, что... что я сорвала переговоры. Но если позволишь...

Вновь ее хмурая отмашка.

– Лина, это ты извини. Я знаю, что у тебя непростое время. А проект оказался крайне напряженным. Не сочти за насмешку, но я правда за тебя переживаю. Я поговорила с партнерами, и мы решили, что «Апгоу» ты заниматься не будешь.

Я внезапно вздрагиваю – тело напоминает мне, что я все еще себя не контролирую. Хочу ответить Ребекке, но она меня опережает:

– И вообще, забудь о работе на пару месяцев. Считай, ты в отпуске. Отдохни, наберись сил, а то выглядишь, будто год в траншеях воевала. Словом, пока не придешь в себя, в офис ни ногой. Ясно?

– Ребекка, умоляю, я докажу...

– Лина, да ты благодарить меня должна! Два оплачиваемых месяца отпуска!

– Мне не нужен отпуск. Я хочу работать.

– Неужели? А на лице у тебя написано, что ты хочешь выспаться. Думаешь, я не знаю, что всю эту неделю ты работала до двух часов ночи?

– Прости. Я знаю, что должна успевать в рабочее время, просто...

– Скажи мне, трудоголик, ты вообще отдыхаешь?!

Джуди открыла было рот, но раздраженный взгляд Ребекки тут же ее остановил.

– Можно неделю? – прошу я в отчаянии. – Я возьму отпуск на неделю, отдохну и вернусь полной сил, честно.

– Два. Месяца. Не обсуждается. Тебе это нужно. Не спорь, иначе будешь разговаривать не со мной, а с отделом кадров. – Ребекка пренебрежительно кивает на Джуди, а та недовольно насупливается.

Дыхание снова перехватывает. Да, я слегка переутомилась, но я не могу оставить дела на два месяца! В «Сэлмаунт» главное – репутация, а восьминедельная ссылка после провала с «Апгоу» сделает меня посмешищем.

– Не бойся, за это время ничего не успеет измениться, – говорит мне Ребекка. – Все будет по-прежнему, когда ты вернешься. И ты останешься Линой Коттон: самой молодой среди лучших, нашей неутомимой умницей. – Она смотрит на меня в упор. – Всем иногда нужен перерыв. Даже тебе.

Я выхожу из отдела кадров, чувствуя себя абсолютно разбитой. Я полагала, что они меня уволят, даже приготовила

речь о несправедливости такого решения... Но вот про отпуск я точно не думала...

– Ну?! – Би появляется прямо передо мной. – Я тут тебя ждалась. Так что сказала Ребекка?

– Меня... отправили в отпуск.

Би недоуменно моргает.

– Пойдем пообедаем, – решает она спустя секунду.

Мы лавируем в толпе туристов и бизнесменов на Коммершал-стрит, когда у меня в руке звонит телефон. Я смотрю на экран и влетаю в мужчину с электронной сигаретой, торчащей изо рта на манер трубки.

Би бросает взгляд на мой телефон.

– Не хочешь, не отвечай. Пусть звонит.

Палец замирает над кнопкой ответа. Я задеваю плечом прохожего в деловом костюме, и тот что-то кричит мне вслед. Я все еще не очень хорошо держусь на ногах, и Би приходится слегка придерживать меня.

Я подношу телефон к уху. Би на это лишь вздыхает и открывает передо мной дверь кафе «Уотсон», где мы иногда обедаем по особым случаям.

– Привет, мам, – говорю я в трубку.

– Лина, привет!

Я вздрагиваю. Тон такой нарочито легкомысленный, будто она репетировала это приветствие.

– Ты когда-нибудь слышала о гипнотерапии? – спрашива-

ет она.

Я сажусь за столик напротив Би.

– О чем?

– О гипнотерапии, – повторяет мама уже не так уверенно. – Слышала? Говорят, в Лидсе есть один хороший гипнотерапевт... Вот я и подумала, быть может, нам стоило бы сходить к нему вместе, когда ты приедешь?..

– Не нужен мне гипноз, мам.

– Ты, пожалуйста, не думай, это не шарлатан из телевизора...

– Да хватит, мам!

Получается слишком резко.

Замолчала. И явно расстроилась. Закрыв глаза, я медленно выдыхаю.

– Ты, если хочешь, попробуй, но мне не надо. Я в порядке.

– Я просто подумала, что было бы здорово сходить куда-нибудь вместе... Необязательно на терапию...

«Гипно» она больше не поминает. Я запускаю руку в волосы, как всегда жесткие от лака. На Би стараюсь не смотреть.

– Сходим куда-нибудь, где... общение пойдет в позитивном ключе...

Явно в ход пошли психологические уловки из очередной книги по самопомощи. Голос негромкий, сглаживает углы, и это «позитивное общение». Даже захотелось ответить что-то вроде: «Конечно, мам, сходим, если тебе станет легче...» – но потом я вспоминаю, к чему она подтолкнула Карлу. Как

она позволила моей сестре принять решение прекратить лечение, сдаться.

Не уверена, что предложенная терапия – хоть «гипно», хоть нет – поможет мне справиться с этим.

– Ладно, я подумаю, – говорю я. – Давай, мам.

– Пока, Лина.

Би дает мне собраться с мыслями.

– Все нормально?

Мы работаем на проекте «Апгоу» уже целый год, и Би видела меня каждый день с тех пор, как умерла Карла. О моих отношениях с матерью она знает едва ли не больше моего парня – с ним мы видимся лишь по выходным и изредка на неделе вечером, если работа позволяет, а с Би я провожу по шестнадцать часов в сутки.

Я тру глаза, на пальцах остается тушь. Видок у меня наверняка тот еще.

– Да не стоило с ней разговаривать. Ты была права.

– А мне показалось, что ты неплохо справилась.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом. Не о семье, работе или еще какой-нибудь катастрофе. Расскажи лучше о своем вчерашнем свидании.

– Если о катастрофах говорить нельзя, то лучше найти другую тему... – Она откидывается на спинку стула.

– Настолько плохо?

Вроде стараюсь держаться, а у самой слезы на глазах. Би любезно делает вид, что этого не замечает.

– Отвратительно. Я поняла, что ничего не выйдет, когда он наклонился, чтобы поцеловать меня в щеку, а от него пахнуло лет пять нестиранным прелым полотенцем.

Это оказывается достаточно мерзко, чтобы вернуть меня в настоящее.

– Фу!

– А еще у него в уголке глаз было по огромной козявке. Знаешь, которые с ночи остаются.

– Бедная...

С одной стороны, хочется ей сказать, что не стоит ставить на людях крест по первому впечатлению, но история с полотенцем и правда противная. Да я и не в том состоянии, чтобы кого-нибудь подбадривать.

– Такими темпами я скоро примирюсь с участью матери-одиночки, – говорит Би, выискивая взглядом официанта. – Уж лучше одной, чем эти свидания. К чему мне надежда? Не нужна.

– Как это не нужна?

– И без нее отлично. Мы ведь одни в этот мир приходим, одни уходим. А свидания полны надежд. Но на самом деле только мучаешься и теряешь веру в людей, больше ничего. Каждый раз, когда ты начинаешь верить, что нашла хорошего, доброго человека, – Би разводит руками, – вдруг всплывают проблемы с мамочкой, тонкая душевная организация и странные сырные фетиши...

Официант замечает нас и кричит через весь зал:

– Как обычно?

– Да! И ей побольше сиропа на блинчики! – указывает Би на меня.

– Сырные фетиши?

– Скажем так, после парочки фотографий я бри больше в рот не возьму.

– Бри?! Но ведь вкусно! Какая сволочь посмела осквернить бри?!

– Ох, милая Лина, счастье в неведении! – Подруга похлопывает меня по руке. – Так, план был поднять тебе настроение, так что давай поговорим о твоей идеальной личной жизни. Итан уже готовится задать тебе главный вопрос? – Заметив несчастное выражение на моем лице, она сникает. – Об этом тоже не хочешь?

– Извини, меня просто снова накрыло... О боже! О боже!

– И по поводу чего «о боже» на этот раз?

– Работа. – Я давя на глаза до боли. – Меня отстранили на два месяца! Это же мини-увольнение!

– Лина! Это. Просто. Отпуск. – Она делает ударение на каждом слове, и ее тон заставляет меня открыть глаз.

– Да, но...

– Лина, зайчик мой, я знаю, что в твоей жизни произошло много всякого дерьма, но пойми, что наконец-то случилось что-то хорошее. Мне будет трудно продолжать любить тебя, если ты собираешься два месяца жаловаться на то, что отдыхаешь за счет компании.

– Но я...

– Слетай на Бали или исследуй тропические леса Амазонки! В кругосветку махни! – Она подается вперед. – Лина, я бы все отдала за такой глоток свободы.

– Да... Да знаю, прости, Би.

– Я понимаю, что тебе трудно принять этот отпуск, но не забывай: кое-кому пришлось весь отпуск смотреть в музее на динозавров, да еще в компании девятилетних детей.

Я медленно вдыхаю и выдыхаю, пытаюсь осознать все, что сказала подруга.

– Спасибо. Мне нужно было это услышать.

Официант приносит нам заказ.

– Кстати! – Би улыбается. – У тебя наконец появится время для нашего бизнес-плана!

Я вздрагиваю. Мы уже несколько лет говорим об открытии собственной консалтинговой фирмы – и были близки к этому, но вдруг заболела Карла. На том все и застопорилось.

– Точно! – говорю я так весело, как только могу. – Этим и займусь! – Би в сомнении поднимает бровь. Обмануть ее мне не удалось. – Прости, я очень хочу, но сейчас не могу. Куда нам свое дело открывать, если я и в «Сэлмаунте» держусь из последних сил?

Би запихивает в рот блинчик и бросает на меня задумчивый взгляд.

– Твоя вера в себя за последнее время сильно пошатнулась, но это поправимо. Не хочешь работать над планом –

поработай хотя бы над собой. Лина Коттон «из последних сил» не держится, а уж слов «не могу» и подавно не знает. И я хочу, чтобы моя Лина Коттон вернулась. – Би размахивает вилкой. – У тебя есть на это два месяца.

– И как мне это сделать?

Би пожимает плечами.

– Поиски себя и прочее самокопание – это не ко мне. Я наметила стратегию, а с тебя – результат.

– Ну спасибо, Би. – Я смеюсь и, поддавшись внезапному порыву, беру подругу за руку. – Ты просто чудо. Правда. Лучше всех.

– Ты это лондонским холостякам расскажи, дорогуша. – Она похлопывает мою ладонь и вновь принимается за блинчики.

2. Эйлин

Прошло четыре прекрасных долгих месяца с тех пор, как муж ушел от меня к инструкторше по танцам. И до этой самой минуты я ни разу о нем не вспомнила.

Прищурившись, я смотрю на банку, стоящую на серванте. Уже пятнадцать минут я безуспешно пытаюсь открутить с нее крышку – даже запястье разнылось. Но я не отступлюсь. У некоторых женщин никогда и не было мужа, и они сами прекрасно справляются с банками.

Я дожила до семидесяти девяти лет. Я выносила и родила дочь. Я приковывала себя к бульдозеру, чтобы защитить лес от вырубки. Я противостояла Бетси и не дала изменить правила парковки в Нижнем переулке.

Я смогу открыть эту проклятую банку с соусом для макарон!

Дек наблюдает с подоконника, как я роюсь в ящике с кухонными принадлежностями.

– Считаешь меня слабоумной старухой, да? – обращаюсь я к коту.

В ответ он лишь машет хвостом, надменно так, словно говоря: «Люди – вообще вид слабоумный. Я вот ни одной банки в жизни не открыл: все делают за меня. Учись!»

– Скажи спасибо, что у тебя корм в пакетиках! – наставляю я на него ложку.

Меня вообще-то не назвать кошатницей. Это Уэйд решил завести сразу двух котов, но после знакомства со своей плясуньей потерял к ним интерес. Мол, только старики живут с кошками, да и в Хэмли ему вдруг стало скучно. Великодушно оставил их мне: «скрасят твою тихую жизнь». Самодовольный болван.

Вообще-то, он старше меня: в сентябре исполнится восемьдесят один. Что касается моей тихой жизни... Просто подожди, Уэйд Коттон, и все сам увидишь!

– Все теперь будет иначе, Деклан, – говорю я коту, сжимая хлебный нож, найденный в глубине ящика.

Дек явно не впечатлен: смотрит на меня равнодушно и лениво, но как только я поднимаю нож обеими руками, чтобы воткнуть его в крышку банки, пулей выскакивает в окно. На выдохе я пронзаю крышку – раз, другой, третий, – точь-в-точь убийца-дилетант из романа Агаты Кристи. Но зато теперь крышка легко открылась, и я торжествующе выливаю ее содержимое на сковородку.

С тарелкой пасты и чашкой чая я сажусь за стол и придвигаю к себе список.

Базиль Уоллингом

Плюсы:

– Живет через несколько домов. Близко.

– Собственные зубы.

– Отгоняет белок от птичьих кормушек.

Энергичный!

Минусы:

- Редкостный зануда.
- Вечно в твидовых пиджаках.
- Возможно, фашист.

Мистер Роджерс

Плюсы:

- Всего 67.
- Густые волосы (поразительно).
- Мастерский танцор (еще поразительнее).
- Вежлив со всеми, даже с Базилем (самое поразительное).

Минусы:

- Религиозный. Очень религиозный. Вероятно, будет скучен в постели?
- В Хэмли приезжает раз в месяц.
- Людьми не интересуется – только Иисусом.

Доктор Петер Новак

Плюсы:

- Поляк. Необычно!
- Врач. Может быть кстати.
- Интересный собеседник и мастер «Эрудита».

Минусы:

- Для меня слишком молод (59).
- Скорее всего, по-прежнему любит бывшую жену.
- Немного похож на Уэйда (не его вина, но все равно минус).

Не переставая есть, я тянусь за ручкой. Весь день гнала от

себя эту мысль, но раз уж решила выписать всех холостяков подходящего возраста... Ведь даже Базиля добавила!

Арнольд Макинтайр

Плюсы:

- Живет в соседнем доме.
- Подходящего возраста (72).

Минусы:

- Отвратительный человек.
- Отравил моего кролика (не доказано, но я-то знаю).
- Спилил мое дерево с птичьими гнездами.
- Высасывает из мира всю радость.
- Скорее всего, ест котят на завтрак.
- Скорее всего, отпрыск болотных троллей.
- Ненавидит меня почти так же сильно, как я его.

Нет, лучше вычеркну пункт про троллей. Откуда мне знать, вдруг его родители были приятными людьми? А вот про котят оставляю.

Ну вот, теперь никого не забыла. Я смотрю на список, склонив голову, но стоит признать, что под любым углом он абсолютно непрезентабельный. Взглянем правде в глаза: в Хэмли-на-Харксдейле, где всего сто шестьдесят восемь жителей, выбор мужчин небогатый. Если уж искать любовь в моем возрасте, то надо смотреть шире. Вот Таунтингем, например: население по меньшей мере двести человек, и всего полчаса на автобусе...

В гостиной звонит телефон. Успеваю подойти и снять трубку.

– Да-да?

– Бабушка, это Лина.

Не могу сдерживать улыбки.

– погоди секунду, я присяду.

Опускаюсь в свое любимое кресло, зеленое с узором из роз. Этот телефонный звонок – лучшая часть любого дня. Даже когда было очень грустно, когда мы говорили только о смерти Карлы – или о чем угодно другом, потому что было слишком больно, – даже тогда разговоры с Линой поддерживали меня.

– Ну как дела, солнышко?

– У меня все хорошо. А ты как?

Я прищуриваюсь.

– Обманиваешь.

– На автомате вырвалось, прости. – Она шумно сглатывает. – Бабуль, у меня... У меня случилась паническая атака прямо во время рабочей встречи, и меня отправили на два месяца в отпуск...

– Ох, Лина! – Я сочувственно вздыхаю, но тут же спохватываюсь: – Хотя отдых тебе и впрямь не повредит. Может, оно и к лучшему.

– Ты не понимаешь, меня отстранили от проекта!

– Ну не так уж это и страшно...

– Еще как страшно! – срывается она. – Я ведь... Ну, я же обещала Карле, что буду сильной, а она... она так мной гордилась, а я... – Лина плачет.

Я мну в кулаке рукав кардигана. Даже в детстве Лина почти никогда не плакала. Другое дело Карла. Расстроившись, та театрально заламывала руки, точно драматическая актриса – трудно было удержаться от смеха. Лина же только хмурилась, с укоризной смотря из-под длинных черных ресниц.

– Ну хватит, родная. Карла бы порадовалась твоему отпуску.

– Да... Да. Только для меня это не отпуск, а ссылка. Я все испортила! – Голос приглушен, словно она уткнулась лицом в ладони.

Я снимаю очки и тру переносицу.

– Солнышко, ты ничего не испортила. Стресс, с кем не бывает. Может, приедешь на выходные? Сварим горячий шоколад, поболтаем, и жизнь уже станет лучше. Да и передохнешь от суматохи в нашем тихом Хэмли.

Наступает долгое молчание.

– Мы уже давно не виделись, – неуверенно добавляю я.

– Знаю. Прости, бабуль.

– Нет-нет, я не обижаюсь. Ты же смогла приехать, когда ушел Уэйд, и за это я тебе очень благодарна. К тому же ты так часто звонишь. Мне очень повезло с внучкой.

– Но я же понимаю, что одних звонков мало... Только не подумай, что я... В общем, я правда хочу увидеться.

О матери и слова не сказала. Хотя до того, как Карлы не стало, Лина навещала Мэриан, по крайней мере, раз в месяц. Когда же закончится эта проклятая вражда между ними?

Я стараюсь эту тему не поднимать, не хочу вмешиваться. Впрочем...

— Мама звонила?

Опять долгая пауза.

— Да.

— По поводу этой... Как там? Гипертерапии.

— Гипнотерапии.

— Да, точно.

Лина молчит. Она такая непоколебимая, наша Лина. Вот как им с матерью помириться, когда они обе чертовски упрямые?

— Ладно, ваше дело.

— Прости, бабуль. Я знаю, что ты из-за нас переживаешь.

— Да что там, пустое. А ты точно не хочешь приехать?

Трудно утешать на расстоянии.

— Знаешь что, бабушка, — со всхлипом отвечает Лина, — а я приеду. Уже давно ведь собиралась!

— Вот и славно! — Я улыбаюсь. — Испеку что-нибудь к чаю и расскажу тебе все деревенские сплетни. Роланда вот посадили на диету. А Бетси пыталась покрасить волосы, но что-то пошло не так, и мне пришлось везти ее в парикмахерскую с полотенцем на голове.

Внучка смеется.

— Спасибо, бабуль. Ты всегда знаешь, как меня приободрить.

— Ну как же одной Эйлин бросить в горе другую?

Так я успокаивала ее в детстве. Полное имя Лины тоже Эйлин. Мэриан назвала ее в мою честь, когда мы все думали, что я умираю после тяжелой пневмонии. Когда мы поняли, что я все-таки не на пороге смерти, Лина стала Линой – чтобы не путаться с именами.

– Люблю тебя, бабушка, – говорит внука.

– И я тебя.

Она вешает трубку. Снова не рассказала ей о своей задумке... Не то чтобы мне было стыдно, но старушка в поисках любви – повод для шуток. Беззлобная насмешка, как над ребенком, который повторяет за взрослыми или мужем, отправленным в супермаркет.

Вернувшись за стол, я бросаю взгляд на печальный список холостяков. Сейчас он кажется такой ерундой. Мои мысли заняты Карлой. Я пытаюсь думать о других вещах – твидовых пиджаках Базиля, бывшей жене Петера, – но это бесполезно, поэтому я успокаиваюсь и позволяю себе вспомнить внуку.

В памяти возникает маленькая Карла: копна кудряшек, коленки в ссадинах, сжимает руку сестры. А вот она уже юная красавица в выцветшей футболке «Гринпис». Слишком худая, зато задорно улыбается и в глазах огонь.

А потом я вижу Карлу, лежащую в гостиной у Мэриан. Изможденная, бледная, борется с раком из последних сил.

Нет, зачем я вспоминаю ее такой? Карла никогда не выглядела слабой – искорка в ее глазах горела до последнего.

Даже за несколько дней до смерти она подтрунивала над плачущей старшей сестрой.

Добрые люди из социальной службы привезли для Карлы специальную кровать, собрали ее в два счета и уехали – я им даже чаю не успела предложить. Центром гостиной отныне был не телевизор, а кровать с нежно-персиковыми бортиками и серым пультом регулировки высоты. И вот мы с Мэриан стоим в дверях комнаты, а Лина сидит в кресле рядом с сестрой. Это кресло так потом и не передвинули.

– Ты невероятная, – шептала Лина со слезами на глазах. – Невероятная и такая смелая, и...

Тут Карла с поразительной легкостью пихнула сестру в плечо.

– Да хватит уже. Если бы я не умирала, в жизни бы от тебя такого не услышала. – В хриплом и слабом голосе слышен смех. – Никак не привыкну, что ты со мной такая милая. Даже скучаю по тем дням, когда ты отчитывала, что я трачу жизнь впустую.

– Я такого никогда... – вздрогнула Лина.

– Да ладно, шучу я.

Лина замялась и поерзала в кресле, на что Карла драматично закатила глаза. К тому времени я уже привыкла к ее лицу без бровей.

– Все, дальше без шуток, – обещала Карла.

Она взглянула на меня и Мэриан, затем потянулась к Лине – ее пальцы были слишком бледными на фоне загорелой

кожи сестры.

– Вот теперь точно серьезно. – Клара прикрыла глаза на миг. – Скажу кое-что важное. Помнишь, когда ты вернулась из универа и мы отправились в поход? Ты тогда сказала, что управленческий консалтинг изменит мир, а я только посмеялась в ответ. А потом мы спорили о капитализме, помнишь?

– Помню.

– Зря я тогда смеялась. – Карла сглотнула и сморщилась от боли, пересохшие губы дрогнули. – Надо было сказать, что я горжусь тобой. Ты меняешь мир, в каком-то смысле – делаешь его лучше, и миру нужны такие люди, как ты. Гони в шею надутых стариков и бери дело в свои руки. Открой свою фирму, как планировала. Помогай людям. И пообещай, что моя смерть тебя не остановит.

Глаза Лины наполнились слезами. Плечи затряслись.

– Лина, ну, прекращай уже. – Карла качается головой. – Вот, и говори с тобой серьезно! Хочешь еще раз кулаком в плечо получить?!

– Не надо, – смеется сестра сквозь плач. – Вообще-то больно было.

– Вот и знай, что каждый раз, когда ты будешь в себе сомневаться, каждый раз, когда решишь отступить от цели, я буду тыкать тебя в плечо даже с того света!

Вот какой была Карла Коттон. Пылкой и смешливой. И она знала, что без нее нам будет тяжело.

3. Лина

Я открываю глаза в шесть двадцать две – на двадцать две минуты позже обычного – и резко сажусь в кровати. Кажется, причина моего испуга – странная тишина: телефон не заходится отвратительно веселым писком будильника. Я не сразу вспоминаю, что никуда не опаздываю и в офис мне не надо. Точнее, мне запретили приходить на работу.

Волна стыда и ужаса вновь накатывает на меня. Вечером я все никак не могла уснуть, заиклившись на воспоминаниях о злополучных переговорах, а когда наконец задремала, мне приснилась одна из последних ночей, проведенных вместе с Карлой: я забралась к сестре в кровать и обняла ее.

«Хватит мне подушку слезами заливать». – Она отпихнула меня, но поцеловала в щеку и отправила на кухню делать горячий шоколад. А потом мы еще долго болтали и хихикали, лежа в темноте, совсем как в детстве.

Карла не снилась мне уже несколько месяцев. Как же сильно мне не хватает сестры. Я даю волю слезам, вспоминая сокрушительное чувство горя, обрушившееся на меня, разрывавшее сердце. Удивительно, что я вообще пережила те месяцы...

Нельзя так. Нужно жить дальше.

Так, пробежка. Пробежка меня взбодрит. Натягиваю легинсы (подарок Итана), старую футболку – и за дверь.

Я бегу, пока со лба не начинается капать пот и все мысли мои не сводятся к асфальту под ногами – шаг, шаг, еще шаг.

Вернувшись, я застаю Марту на кухне. Она пытается взгромоздить свое очень беременное тело на нелепый дизайнерский табурет. Ее темно-русые волосы заплетены в две косички. Марта и так выглядит не слишком взросло, а с косичками – совсем как школьница.

Я подаю ей руку, но она только отмахивается.

– Спасибо, зая, но ты слишком уж потная.

Я вытираю лицо подолом футболки и иду к раковине за стаканом воды.

– Надо купить нормальные стулья.

– Ни за что! Эти отличные! – Марта все пытается устроиться поудобнее.

В ответ я только закатываю глаза.

Марта – один из лучших лондонских дизайнеров по интерьерам. Работа интересная и творческая, но непостоянная и выматывающая. Клиенты треплют нервы, звонят в нерабочее время и часами обсуждают, какие выбрать шторы. Есть, конечно, и плюс: скидки на дизайнерскую мебель. Так что Марта и обставила нашу квартиру стильными, но часто бесполезными предметами: ваза в форме буквы W, тусклый-претусклый светильник из чугуна, выпуклый журнальный столик и вот эти табуреты, на которых толком не усидеть.

Но Марту все эти вещицы радуют, а я здесь толком и не

живу. Вообще-то мне изначально не следовало соглашаться на эту квартиру в здании старой типографии – не смогла устоять перед уговорами подруги и очарованием места. Теперь же я прихожу сюда и сразу падаю в постель. Никакой романтики, только очень дорогая аренда. Когда Марта съедет, предложу Фитцу – нашему третьему соседу – снять что-нибудь более подходящее. Тут все жильцы (кроме, пожалуй, странноватой кошатницы из соседней квартиры) либо творческие хипстеры, либо основатели стартапов. Да и, откровенно говоря, Шордич – совсем не мой район.

– Дозвонилась вчера до Яз? – спрашиваю я, наливая себе второй стакан воды.

Яз – это девушка Марты, и сейчас она на гастролях в Америке со своим театром. От сложности их отношений даже у меня голова кругом. Точнее, от сложности логистики: они всегда находятся в разных часовых поясах, отправляют через океан документы и принимают важные решения по телефону, хотя из-за плохой связи слышат друг друга через слово. Переезд – как раз яркий тому пример: Яз вернется через два месяца, и они должны переехать в новый дом – который еще даже не купили. И все это как раз накануне родов Марты.

– Да, у нее все хорошо, – отвечает Марта, поглаживая живот. – Выдает по триста слов в минуту о Чехове и о бейсболе одновременно. Ну, ты ее знаешь. Не ест, правда, ничего. Совсем тощая.

Я едва сдерживаю улыбку. Сколько знаю Марту, она по-

матерински опекает всех вокруг. Пытается накормить любого, кто оказывается рядом. Без конца приглашает подруг на чай в призрачной надежде, что кто-нибудь уже сделает из Фитца нормального человека.

Кстати, Фитц! Я смотрю на часы. У него уже четвертое место работы за год, и опаздывать ему точно нельзя.

– Фитц уже встал?

Тут он как по команде выходит на кухню с галстуком в руке. Борода его в идеальном порядке, словно пострижена по линейке – три года живу с ним в одной квартире, но так и не могу понять, как он это делает. Фитц всегда выглядит обманчиво собранным и аккуратным. В его жизни постоянно происходит какой-то хаос, но носки всегда идеально выглажены – которые, к слову, всегда яркие и обязательно выглядывают из-под штанин. Одна пара с Губкой Бобом, вторая пестрая, как картина Ван Гога, а его любимая – «политическая», с лозунгом на резинке: «Бред ваш Брекзит!»

– Встал, встал. Вопрос в том, почему ты не спишь? – спрашивает Фитц, закончив завязывать узкий галстук.

– Ой, Лина, а я и забыла, что тебе не надо на работу! – восклицает Марта, и ее взгляд полон сочувствия. – Ты вообще как?

– Ужасно, – признаюсь я. – А еще ужасно зла на саму себя, что чувствую себя несчастной, когда впереди два месяца отдыха. Но мысли о работе меня не оставляют, так что хочется свернуться калачиком и не вылезать из кровати.

– Не накручивай себя, зая. Тело просто говорит тебе, что пора бы отдохнуть. И тебе нужно простить себя. Небольшая промашка – с кем не бывает.

– С Линой не бывает. – Фитц подходит к блендеру. – У нее это впервые, дай ей время пережить.

– Ничего подобного, я и раньше допускала ошибки.

– Хоть один пример вспомни, безупречная наша, – язвит Фитц, подмигивая.

Я хмурюсь. Марта тянется взять меня за руку, но вспоминает, какая я вспотевшая, и лишь ласково похлопывает по плечу.

– У тебя есть планы на выходные? – спрашивает она.

– Думаю, съездить в Хэмли.

Я бросаю взгляд на телефон в надежде увидеть сообщение от Итана. Вчера он работал допоздна, но вдруг сегодня освободится пораньше? До чего же мне хочется прижаться к нему и уткнуться носом в шею.

– В Хэмли? В таком состоянии ты еще и к маме решила съездить?

– Фитц! – шикает Марта. – Не слушай его, Лина. Думаю, навестить бабушку – отличная идея. А к матери не заглядывай, если не готова. Итан поедет с тобой?

– Вряд ли. Он сейчас весь в работе – дедлайн проекта на следующей неделе.

Блендер в руках соседа как-то особенно недовольно взвизгивает. И я прекрасно знаю, к чему это: Фитц считает,

что мы с Итаном толком не ценим друг друга. Видимся мы и впрямь редко – хоть и работаем в одной компании, но всегда на разных проектах. Но это и делает Итана таким потрясающим. Он понимает, насколько важна работа. Когда Карла умерла и я изо всех сил пыталась удержаться на плаву, именно Итан помог мне, напоминая, как я люблю работу, подталкивал меня вперед, не давая увязнуть во мраке.

И вот меня лишили работы. Впереди меня ждут два бесконечных и бессмысленных месяца. Мне становится дурно при мысли о часах тишины, покоя и размышлений. Мне нужна цель, проект – хоть что-то! Если я не буду двигаться, меня поглотит бездна.

Я смотрю на часы. Итан опаздывает на полтора часа. Наверное, доделывает что-то срочное по работе. После обеда я начала уборку, планируя закончить как раз к его приходу, а тут еще два лишних часа – так что я отодвинула мебель и помыла за ней, протерла ножки стульев и вообще все поверхности...

Наконец звук открывающегося замка. Я поднимаюсь с колен и отряхиваю пыль с безразмерной домашней кофты: на ней изображена грозная Баффи – победительница вампиров, подростком я обожала этот сериал. У меня в гардеробе либо деловые костюмы, либо мешковатые свитера со всякими персонажами.

Войдя в квартиру, Итан восторженно охает. Вообще-то, у

нас всегда порядок, но сегодня все просто сверкает чистотой.

– Мог бы догадаться, что ты и дня спокойно не выдержишь. – Итан целует меня в щеку. От него пахнет насыщенным цитрусовым одеколоном, а нос у него ледяной от холодного мартовского дождя. – Восхитительная чистота и порядок. Не хочешь потом заняться и моей квартирой?

Я шлепаю его по плечу, и он со смехом встряхивает темными волосами. Затем опять меня целует, и я чувствую укол зависти, когда понимаю, как он устал после работы.

– Прости, что задержался. Ли насел на меня с данными для «Уэбстер ревью», а ты же знаешь, какой он зануда. Ну а ты как, ангел мой?

Сердце сжимается. С этим вопросом Итан звонил мне каждый вечер, когда Карла уже едва справлялась. С этим же вопросом (а еще с бутылкой вина и утешающими объятиями) он появлялся у меня на пороге как раз тогда, когда я в нем нуждалась. Он повторил его, когда я вцепилась в его руку на похоронах Карлы.

Без Итана я бы не выкарабкалась. Я не уверена, что можно как-то отблагодарить человека, который был рядом в самые темные дни твоей жизни.

– Я... Нормально.

– Отпуск – это ведь хорошо.

– Думаешь? – Я опускаюсь на диван, а он садится рядом и кладет мои ноги к себе на колени.

– Знаю. Но если боишься отстать от дел, можешь помогать

в моих проектах. А я расскажу Ребекке, как много ты мне помогаешь, чтобы она знала, что ты не теряешь времени, даже если не ходишь в офис.

Я удивленно смотрю на него.

– Ты серьезно?

– Конечно. Ты же знаешь, что я всегда на твоей стороне. –

Он целует меня.

Я люблюсь им в который раз: его изящный выразительный рот, шелковистые темные волосы, веснушки на скулах. До чего красивый. И приехал прямо сейчас, когда нужен мне больше всего. Как же мне повезло с ним!

Он тянется к сумке с ноутбуком, стоящей у дивана.

– Пройдешься со мной по завтрашней презентации для «Уэбстер ревью»?

На мгновение я засомневалась, но он уже ставит открытый ноутбук на мои ноги, и мне остается только лечь и слушать.

Через минуту понимаю: мне и впрямь лучше. Пока его тихий голос рассказывает о доходах и прогнозах, я словно возвращаюсь к жизни.

4. Эйлин

Пятничное утро выдалось суетным. Дек выпотрошил на крыльце мышь – спасибо, конечно, за кошачье проявление любви, но пришлось чистить любимые туфли. Из-за этого я чуть не опоздала в ратушу на собрание Деревенского Дозора.

Деревенский Дозор Хэмли – организация пусть и неофициальная, зато процветающая. Преступность очень волнует жителей Хэмли-на-Харксдейле. Даром что единственное преступление за пять лет – это кража газонокосилки Базиля. Как оказалось, ее взяла Бетси, которая клянется, что сначала спросила Базиля. Словом, криминалом у нас и не пахнет, поэтому собираться каждую неделю на два часа особой необходимости нет.

Но Хэмли повезло, что председателем Дозора выбрали меня. Бетси же стала моим заместителем – было решено, что Бетси не может возглавлять организацию, учитывая вышеупомянутую историю. Собрания теперь протекают куда интереснее. Поскольку Дозора формально не существует – мы всего лишь неравнодушные жители Хэмли, держащие ухо остро, – то и Устав со строгими правилами нам ни к чему. Поэтому мы перестали притворяться, что говорим о преступлениях, а просто сплетничаем и перемываем кости жителям соседних деревень. Еще у нас появилась традиция пить чай с печеньем, на стульях теперь лежат мягкие поду-

шечки, и на двери висит табличка «Вход только для членов Дозора», вызывающая зависть случайных прохожих и греющая душу участников.

Бетси постукивает судейским молотком, призывая к тишине. Понятия не имею, где она его взяла, но пользуется она им по поводу и без. Как-то раз даже дала по лбу Базилю, когда тот слишком разошелся за партией в бинго. Тот, конечно, утих, но потом доктор Петер тактично объяснил Бетси, что после инсульта Базилю лучше избегать травм головы.

– Что там на повестке дня? – спрашивает Бетси, и я протягиваю ей список.

Собрание Деревенского Дозора Хэмли. 20 марта.

1. Приветствие

2. Чай, печенье

3. Петер: парковка перед клиникой

4. Роланд: все еще бойкотим кафе Джулии?
Может отменить? – у нее самые вкусные сэндвичи с беконом.

5. Бетси: кюлоты опять в моде?

6. Чай, печенье

7. Эйлин: Ночь золотой классики. Никаких фильмов с Джеком Николсоном. Надоело! Есть и другие прекрасные актеры в возрасте.

8. Базиль: последние новости о войне против белок.

9. Какое-нибудь преступление?

10. Чай, печенье

11. Проч.

За чай сегодня отвечает Базиль, значит, одни будут пить чуть подкрашенный кипяток, другие так просто сидеть с пакетиками в пустых чашках – подслеповатый Базиль вечно кого-нибудь да пропустит. Бетси, вот молодец, принесла столько разного печенья.

Я грызу имбирную палочку, пока Петер серьезно рассуждает о тех, кто «занимает электроскутерами сразу два места на парковке» – это про Роланда, – и объясняет, как «это мешает другим пациентам» – это про Базиля, он вечно жалуется.

Слушаю вполуха, параллельно размышляя о списке, оставшемся на столе в гостиной. Пытаюсь представить, каков в постели доктор Петер. Так увлеклась, что кусочек печенья попал не в то горло.

Вокруг тут же воцаряются переполох и паника. Кто-то стучит мне по спине, Бетси собирается делать прием Геймлиха, но я вовремя успеваю откашляться и сообщить, что со мной все в порядке. И добавляю на будущее, что в случае реальной угрозы для жизни предпочту, чтобы реанимационные процедуры выполнял доктор Петер. Мы с ним весело переглядываемся поверх головы Бетси – может быть, даже кокетливо, хотя тут я не до конца уверена.

Бетси предсказуемо обижается на мой комментарий, но вскоре уже всю обсуждает кюлоты. Этой темой мы обязаны Кейтлин: после ее заверений, что кюлоты вернулись в моду, Бетси заказала в телемагазине шесть пар.

К слову, о Кейтлин. Ей всего тридцать пять, и она половине Дозора во внучки годится. У нее трое детей дошкольного возраста, так что любая возможность улизнуть из дома – праздник, и потому она активно участвует во всех деревенских мероприятиях.

Так вот, Бетси внезапно усомнилась в покупке кюлот и решила провести голосование. Это ее способ избежать осуждения: если решение принято демократическим путем, то в случае чего виноваты будут все.

Дозор постановил, что кюлоты действительно вернулись в моду. Хотя, мне кажется, Базиль считает, что речь о каком-то французском овоще, а именно его голос был решающим.

Разливаем еще по чашечке чая, и я высказываюсь против фильмов с Джеком Николсоном. Но Пенелопа на удивление ретиво актера защищает, так что я терплю поражение. Дальше вступает Базиль с чепухой про белок – отличная возможность прикорнуть, если хочется, – а следом, после третьей чаши чая, переходим и к самому важному пункту повестки: преступлениям. Иначе известным как «свежие сплетни».

– Эйлин, Бетси говорит, ты продала машину? – начинает Пенелопа, глядя на меня своими совиными глазами.

Она вообще чертами напоминает птичку, до того хрупкую, что я боюсь к ней прикоснуться. Хотя она даст фору многим из нас. На днях я видела, как на ее гнездо синичек покусился кот, и Пенелопа метко прыснула ему в глаз из водяного пистолета.

– Это очень мудро с твоей стороны – завязать с вождением, Эйлин, – говорит Бетси.

– Ни с чем я не завязала. – Я сажусь прямее. – Просто теперь беру машину Мэриан.

– Правда? – удивляется Бетси. – Смелое решение. После того казуса на Сниддл-роуд...

Бетси – добрый человек и хорошая подруга, но при этом умеет сказать гадость таким тоном, что и возразить невозможно. Ну а про «казус» на Сниддл-роуд и говорить нечего. Да, парковка не удалась, но кто же знал, что тот внедорожник так легко помять! Он казался прочным, как танк!

– Что, надоело возить в машине бездомных собак? – спрашивает Базиль, выковыривая из усов крошки.

– Я помогала волонтерам из приюта, – с достоинством отвечаю я. – Теперь у них своя машина.

– Уверен, скоро придумаешь себе новое дело! – усмехается он. – Кстати, а спонсоров для Майского праздника ты нашла? Не хотят корпорации раскошелиться ради маленькой деревеньки?

Стискиваю зубы. Со спонсором пока ничего не выходило. Обычно мы покрываем организационные расходы из денег, заработанных на самом празднике, но в этом году мне хотелось собрать пожертвование для фонда по борьбе с раком, который так много сделал для Карлы. Но до крупных компаний в Лидсе не достучишься, а малый бизнес затянул пояса и на лишние траты не пойдет.

– Я пытаюсь хоть немного изменить мир, и стыдиться мне нечего, Базиль, – холодно отвечаю я.

– Ну, тут не поспоришь. И ты молодец, что не сдаешься.

Слава богу, меняем тему. Пенелопа спрашивает у Петера о болезни Роланда, а я, пользуясь моментом, шепчу Бетси:

– Поговорила с дочкой? Не хочет она приехать?

Бетси поджигает губы.

– Я пыталась. Но нет, не хочет.

Камень преткновения – муж Бетси. Ее дочка не то что видеть его, а даже находиться с ним в одной комнате не желает. Это и неудивительно: Клифф – отвратительный тип, и я не понимаю, как Бетси столько лет его терпит. Даже Уэйд его на дух не переносил. Впрочем, одной Бетси будет куда хуже... Ладно, напрасно я вообще лезу.

– Рано или поздно приедет, вот увидишь. – Я сжимаю ее руку.

– Лучше бы рано, чем поздно. Мне ведь уже восемьдесят!

Невольно улыбаюсь. Бетси восемьдесят пять. Даже подчеркивая свой почтенный возраст, лукавит.

– ...в Нарджил теперь ходит всего один автобус за день! – делится Базиль с Роландом. – Это тоже сыграло роль.

Больше всего Базиль любит жаловаться на белок, транспорт, погоду и политику нашей страны. Причем именно в таком порядке. Этих тем в его присутствии лучше не касаться, особенно последней. Базиль становится невыносим, как только речь заходит об иммигрантах.

– И что ты думаешь? Упала в миску и захлебнулась картофельным супом! Жуткая смерть. Стучится к ней девушка из оконной фирмы, а дверь-то открыта. И находит ее – мертва уже неделю, и никто об этом не знал!

– Базиль, опять рассказываешь ужастики? – спрашиваю я.

– Женщина в Нарджиле захлебнулась супом, – говорит он, самодовольно потягивая чай.

– Какой ужас! – восклицает Бетси.

– А опарыши, опарыши с мухами были? – живо интересуется Пенелопа.

Мы разом поворачиваемся к ней.

– Фу, Пенелопа!

А затем смотрим на Базиля. Интересно же.

– Скорее всего, – кивает он с видом мудреца. – Да, вполне вероятно. Бедняжке было всего семьдесят девять. Муж умер в прошлом году, рядом никого... Соседи говорят, она месяцами ни с кем не разговаривала – только с птичками.

Мне вдруг становится не по себе, и слегка кружится голова. Я тянусь за имбирным печеньем и замечаю, что рука дрожит сильнее обычного. Мне ведь тоже семьдесят девять... Но на этом сходство заканчивается, твердо говорю я себе. Во-первых, картофельный суп я не переносу... Хотя вчерашний инцидент с банкой стал неприятным напоминанием о том, как мелочи могут обернуться сложностями. И привести к радикальным последствиям, когда ты живешь один.

– Мы должны им помочь! – неожиданно говорю я. – Авто-

бусов все меньше, и социальным службам урезают бюджет. В итоге эти люди при всем желании никуда съездить не могут.

Все удивленно переглядываются. Обычно если мы упоминаем на собрании Нарджил, Бетси язвительно шипит: «Поделом этим нарджилльцам!»

– Да уж, как им без нас-то, – раздраженно ворчит Пенелопа в наступившей тишине.

– Внесу в повестку. Обсудим в следующий раз!

На минуту повисает неловкое молчание.

– Кстати, говорят, в Фирс-Блэндоне собираются устроить свой Майский праздник... – Базиль бросает на меня пристальный взгляд: дрогну или нет?

– Нахальство! – возмущаюсь я.

Базиль же прекрасно знает, что Фирс-Блэндон моей поддержки не дождетсЯ. Лет десять-двадцать назад Хэмли на три дня остался без света после урагана, и вся округа вызвалась помочь, даже ночевать к себе приглашали – а в Фирс-Блэндоне и пальцем никто не пошевелил.

– Наш праздник им все равно не переплюнуть!

– Это точно! – поддакивает Бетси, и все облегченно выдыхают. – Кто-нибудь хочет еще печенья?

Заканчивается собрание как обычно, но странная тревога не покидает меня до конца дня. Хорошо, что Лина приедет уже завтра. Что-то я устала, и гораздо легче быть независимой, когда рядом есть кто-то еще.

5. Лина

Хэмли-на-Харксдейле. Милая деревенька, уютящаяся в ложине на юге Йоркширских долин. Представляю ее крыши и шаткие дымоходы между рыжевато-коричневыми скалами, пока автобус грохочет по дороге.

Не могу сказать, что я там выросла. Мама решила перебраться в Хэмли только из-за болезни Карлы. В памяти живут два образа: милая сердцу деревушка из детства в чуть пожелтевших, как старая фотография, тонах и мрачное место болезни и потерь. Только подумаешь, и внутри все переворачивается. Пытаюсь вспомнить, что я чувствовала в детстве, какую радость испытывала после этого поворота дороги, когда впереди показывались крыши Хэмли.

Даже когда мы с Карлой были подростками и ругались по поводу и без, дома у дедушки с бабушкой царил мир. Всю дорогу из Лидса мы плакались маме, что в городе друзья и тусовки, но в Хэмли все менялось. Тайком купленный сидр и поцелуи со старшеклассниками казались абсурдными, будто из чужой жизни. Мы весь день проводили на улице, собирали ежевику в старые контейнеры с треснутыми крышками и не переживали о расцарапанных ногах.

Сквозь грязное окно автобуса я наблюдаю, как мимо проносятся краски Йоркшира: охра, зелень, песочно-серый. Тянутся каменные ограды на полях. Овцы провожают автобус

ленивыми взглядами. Накрапывает мелкий дождик, и я уже почти чувствую запах влажной земли. До чего же здесь чистый воздух. Не в автобусе, конечно. В автобусе затхло, сонно и пахнет сэндвичем с курицей. Но я уже представляю, каким прекрасным будет первый вдох деревенского воздуха.

Хэмли состоит всего из трех улиц: Нижней, Средней и Чибисовой, которой вообще-то полагается быть Верхней, но таковы уж причуды провинции. Дома в основном построены из известняка – приземистые коттеджи с покрытыми шифером крышами. В конце Средней улицы стоит один новый дом – сам из ярко-рыжего кирпича, а оконные рамы угольно-черные. Бабушка его презирует. А на мои возражения, что в Британии нехватка доступного жилья, парирует: «Это потому, что такие придурки, как вы, готовы платить кучу денег за обувные коробки, лишь бы жить в Лондоне».

Хотела бы я быть из таких придурков. Вот только не удосужилась купить хоть какую квартирку, а трачу десятки тысяч на аренду нашего лофта.

От автобусной остановки я направляюсь напрямик к бабушке, а проходя поворот к дому мамы, смотрю в другую сторону, хотя все равно вижу его краем глаза.

Бабушкин коттедж «Клируотер», дом номер пять на Средней улице, самый красивый в деревне. У него старенькая шиферная крыша, передняя стена заросла глицинией, дверь рубиново-красная. Настоящий сказочный домик.

Узел тревоги, застрявший у меня между ребер, ослабева-

ет, пока я иду по садовой дорожке.

Я тянусь к дверному молотку, как вдруг раздается бабушкин голос:

– Лина?!

Я смотрю направо, потом налево, затем вверх.

– Бабуля!

Она забралась на яблоню, растущую слева от двери, и стоит на ветке почти вровень с окном второго этажа. На ней камуфляжные штаны и коричневая куртка – хорошо еще, голова седая, иначе вообще не заметить.

– Ты с какого перепугу туда залезла?!

– Ветки подрезаю! – И машет мне здоровенным острым секатором.

Я вздрагиваю.

– Ты... очень высоко! – Я осторожно подбираю слова.

Не хочется намекать ей на возраст, но невольно вспоминается новостной сюжет, как старушка упала со стула и сломала шесть костей. А тут дерево!

Бабушка начинает медленно сползать вниз.

– Не торопись! Осторожнее! – кричу я, впиваясь ногтями в ладони.

С бодрым «оп!» бабушка спрыгивает с последней ветки и отряхивает руки.

– Хочешь сделать хорошо – сделай сама! – объявляет она. – Я уже несколько месяцев жду прихода садовника.

Я оглядываю ее с ног до головы. Вроде бы целая. Более то-

го, выглядит она хорошо, хотя и немного уставшей – щеки покраснелись, карие глаза ярко светятся за стеклами очков в зеленой оправе. Я вынимаю у нее из волос листик.

– Ну здравствуй, солнышко! – Бабушка берет меня за руку и расплывается в улыбке. – Горячий шоколад?

Бабушка готовит горячий шоколад как положено: на плите, со сливками и из настоящего шоколада. Истинное декантство в кружке. Как говорила Карла: «Две кружки, и весь день сыта». Обожаю его.

Пока бабушка возится с шоколадом, я убираю чистую посуду из сушилки в шкаф. Последний раз я приезжала сюда в конце прошлого года, когда дедушка Уэйд ушел, и с тех пор в доме ничего не изменилось. Все те же рыжие плитусы, тот же кухонный гарнитур и выцветшие узорчатые ковры, на стенах – семейные фотографии в рамках.

Даже и не скажешь, что деда нет – или скорее что он когда-либо здесь жил. Подозреваю, что из вещей он забрал только одежду. Этот дом всегда был бабушкиным, а он лишь сидел в кресле в углу гостиной, слушал радио и всех игнорировал. Весть о его уходе меня поразила – я, конечно, понимала, что он давно уже не любит бабушку, но никогда не думала, что у него хватит духу сбежать. Он из тех людей, которые любят жаловаться, но никогда ничего не делают. Преподавательница танцев явно взяла инициативу в свои руки.

– Я так рада, что ты приехала, – говорит бабушка, поме-

шивая шоколад.

– Прости, что не смогла вырваться раньше. – Я рассматриваю магнитики на холодильнике.

– Ничего, ничего. Я и сама в твои годы предпочла бы Лондон, будь у меня выбор...

Я поднимаю на нее удивленный взгляд. Бабушка не часто говорит о прошлом – «предпочитает смотреть вперед, а не назад». Я знаю, что она собиралась работать в Лондоне – ей тогда было чуть больше двадцати, но в то же время встретила дедушку, они поженились и поселились здесь. И на этом все. Да, обычно она так и говорит: «И на этом все».

И только сейчас я понимаю, что все могло быть иначе.

– Ты ведь и сейчас можешь поехать в Лондон. Можешь даже переехать насовсем, раз здесь тебя больше ничего не держит.

– Ну, не говори глупости. – Бабушка разливает шоколад по кружкам. – Какой Лондон? А как же твоя мать?

Я вздрагиваю.

– Она справится. Не такая она беспомощная, как тебе кажется.

Бабушка бросает на меня полный сомнения взгляд.

Тут я замечаю на столе блокнот. Бабушка носит его с собой повсюду, как я смартфон, и впадает в панику, если обнаруживает, что его нет в сумке, даже если вышла всего лишь за молоком.

– Это список дел на сегодня? – спрашиваю я, хмурясь по

мере чтения. – «Собственные зубы»?! «Скучен в постели»?!
Это еще что такое?

– Ничего! – Бабушка вырывает блокнот у меня из рук.

– Ты что, покраснела?

Кажется, я никогда не видела, чтобы бабушка смущалась.

– Не говори ерунды! – Она прикрывает щеки руками. –
Краснеть я перестала еще в шестидесятих!

Я со смехом отвожу ее руки от лица.

– Определенно, это румянец! У тебя какой-то новый проект? На этот раз что-то интересное!

Бабушка поджигает покрашенные персиковой помадой губы.

– Ой, прости, бабуль. – Я усаживаю ее за стол. – Веду себя как дура, а у тебя там что-то серьезное, да?

– Нет-нет, пустяки, – неумело лжет она.

Я пытаюсь вырвать блокнот у нее из рук, и через мгновение она нехотя разжимает пальцы.

Я бегло просматриваю список, и сердце наполняется горьковато-сладким теплом – до того он трогательный, до того под стать бабушке, но еще немного печальный.

Плечи бабушки напряжены, смотрит настороженно. И мысленно я ругаю себя за неуместные шуточки.

– Нет, так дело не пойдет. – Я вновь пробегаю глазами по списку. – Базиль – это тот усатый с наклейкой «Британия превыше всего»¹ на бампере?

---

¹ «Британия превыше всего» – название ультраправой политической партии.

– Да. – Бабушка все еще напряжена.

– Он тебе нравится?

– Ну, как сказать... Если честно, не очень. Он до некоторой степени ханжа и фанатик.

Я беру ручку и вычеркиваю Базиля.

– погоди! Может быть, я могла бы... полюбить его...

Я вздрагиваю – ее голос звучит так устало. Будто Базиль – это лучшее, на что она может надеяться. Она явно не в себе – Эйлин Коттон в жизни не взглянула бы в сторону такого мужчины!

Хотя она же вышла за дедушку Уэйда... Мне всегда казалось, что потом она об этом жалела, однако на развод не подавала из какого-то упрямого чувства верности. Их отношения были больше партнерскими, а не семейными, поэтому и уход деда бабушка восприняла не как предательство, а скорее как оскорбление.

– Правило свиданий номер один: мужчину невозможно изменить, – говорю я тоном, который использую, когда Би падает духом и подумывает снова встретиться с каким-нибудь неудачником. – Мужчину не изменить, будь у него хоть сто родных зубов. Идем дальше: мистер Роджерс. Это отец викария?

– Хороший человек, – с надеждой комментирует бабушка. С радостью замечаю, что она немного расслабилась.

Я читаю плюсы и минусы. Ближе к концу у меня вырывается не то смешок, не то удивленное хмыканье, но я тут же

беру себя в руки.

– Так. Очевидно, тебе нужен более... пылкий мужчина, чем мистер Роджерс.

– Господи, не о таком должна говорить внучка с бабушкой.

– К тому же видеться раз в месяц – это слишком редко. Потребуется целая вечность, чтобы узнать его получше. – Я вычеркиваю мистера Роджерса. – Смотрим дальше. О, я помню доктора Петера! Но тут ты нарушила второе правило свиданий: не гонись за мужчиной, который эмоционально недоступен. Если доктор все еще любит бывшую жену, тебя ждет только мучение.

Она задумчиво берет за подбородок.

– Ну, мужчины иногда...

– Только не говори «меняются», – решительно перебиваю я.

Бабушка бурчит что-то неопределенное, а я вычеркиваю Петера.

– И последний... Ох, да ни за что, бабуль! Твой сосед Арнольд? Отчим Джексона Гринвуда?

– Бывший отчим, – поправляет она, явно готовая посплетничать о соседях.

– Самый страшный в мире брызга? – продолжаю я, не отвлекаясь на подробности. – Ты заслуживаешь лучшего!

– Я должна была выписать всех холостых мужчину Хэмли, которым за семьдесят.

На этих словах я вычеркиваю Арнольда. Больше имен в списке не осталось.

– Что ж, – говорю я, – начинать надо с чистого листа.

Бабушка снова погрузилась, и я беру ее за руки.

– Бабуль, я так рада, что ты ищешь новую любовь. После всех этих мучительных лет в браке с дедом ты заслуживаешь встретить замечательного мужчину. И я сделаю все возможное, чтобы тебе помочь.

– Спасибо, но как? У меня больше нет никого на примете. – Она вынимает платок из рукава и высмаркивается. – Я думала съездить в Таунтингем...

Так и вижу, как бабушка бродит по переулкам сонного Таунтингема в поисках одиноких пожилых джентльменов.

– Не уверена, что это эффективный способ. А не хочешь попробовать сайты знакомств?

– Ну, я даже не знаю... – мнется она.

Я вскакиваю со стула.

– Принесу ноутбук!

Давно я не чувствовала себя настолько живой.

Прежде чем зарегистрировать бабушку, я полчаса исследую сайты знакомств. По-видимому, залог успеха прост: честность, чувство юмора и самое главное – хорошая фотография.

Но как только анкета создана, я понимаю, что у нас проблема. Дело не в том, что бабушка не знает ни одного под-

ходящего джентльмена в округе – их вообще нет. На сайте не зарегистрировано ни одного человека нужного возраста, проживающего поблизости. А Би еще жалуется, что в Лондоне закончились приличные мужики! Да она понятия не имеет, как ей повезло. Когда в городе восемь миллионов человек, обязательно найдется кто-то одинокий.

Бабушка всегда представлялась мне природной стихией, подчиняющей все вокруг своей воле. Я не могу представить, что есть на свете более моложавая старушка. Ее безграничная энергия не иссякает и сейчас, когда ей уже хорошо за семьдесят. Невероятная женщина.

Вот только сейчас она сама на себя не похожа.

Это был по-настоящему тяжелый год. Умерла одна из внучек, мама погрузилась в свое горе, затем сбежал дед... Поразительно и глупо, что я считала бабушку непоколебимой – никто бы не остался невредим, пережив столько горя. Потому она и сидит тут в одиночестве, размышляя о свидании с фанатиком Базилем. Да, дела в коттедже «Клируотер» пришли в упадок! И если бы я приезжала почаще, давно бы это заметила.

Я утыкаюсь в ноутбук. От мысли, что в понедельник я не иду на работу, мне тут же становилось тошно, стыдно и страшно. Надо делать хоть что-то, лишь бы не думать о том, как я все испортила.

Я расширяю зону поиска на сайте – здравствуйте, господа! Четыреста мужчин в возрасте от семидесяти до восьми-

десяти пяти ищут любовь.

– Так, есть мысль, – говорю я бабушке. – Посмотри, в Лондоне сотни подходящих мужчин.

Она вертит в руках пустую кружку.

– Лина, говорю же, я нужна твоей маме здесь и сейчас. Я не могу уехать в Лондон.

– С мамой все будет в порядке.

– Ну да, конечно.

– Бабуль, ты как никто заслужила передышку. Расскажи лучше, почему в молодости ты рвалась в Лондон?

– Хотела изменить мир, – отвечает она, улыбаясь. – Считала Лондон центром жизни и приключений... – Она взмахивает руками. – Хотела сесть с лихим незнакомцем в такси и рвануть к нему домой. Или пройтись по Лондонскому мосту с поручением от тайной службы, и чтоб ветер играл в волосах. Хотела быть нужной и важной...

– Ты еще как всем нужна! В Хэмли без тебя никуда! Сколько раз ты уже спасала деревенский магазин от закрытия? Пять?

Бабушка смеется.

– Я и не говорю, что не сделала ничего хорошего. В конце концов, я родила твою маму, а она – вас с Карлой. Мне этого достаточно.

Я беру ее за руку.

– Расскажи, что это была за работа? Та, от которой ты отказалась ради дедушки?

Она отводит взгляд.

– Я устроилась в благотворительный фонд, который открывал молодежные центры в бедных районах. Наверняка пришлось бы перебирать бумажки и разносить кофе, но для начала можно было и потерпеть. Я даже присмотрела квартиру недалеко от того места, где ты сейчас живешь, хотя в то время жить там никто не хотел.

– Ты собиралась поселиться в Шордиче?! Я просто...

Я не могу представить, какой была бы моя бабушка, если бы согласилась на ту работу.

– ...ушам поверить не можешь? – с горькой усмешкой заканчивает она.

– Бабушка, это же потрясающе! Поживи у меня! Устроим приключение в Шордиче, как ты и мечтала!

– Мэриан я не оставлю, – перебивает она. – У меня полно забот. Не могу я никуда ехать.

Опять за свое. Я же чувствую легкое возбуждение, как раньше на работе, – давно не было такого прилива сил. Бабушка обязана съездить в Лондон. Это именно то, что ей нужно.

Внезапно вспоминаю слова Би о поиске себя и обретении былой силы. Я пряталась в Лондоне, прикрываясь работой. Избегала маму. Избегала вообще всего. Теперь у меня два месяца на то, чтобы разобраться в себе. И учитывая, что я даже не могу взглянуть на дом, где умерла Карла...

Может, с этого и надо начать?

– Бабуль... А ты не хочешь поменяться? Я займусь твоими делами в Хэмли, а ты поживешь в моей лондонской квартире?

Она бросает на меня удивленный взгляд.

– Что значит «поменяться»?

– Поменяться местами. Отправляйся в свое приключение. Вспомнишь, какой была до свадьбы. А я перееду сюда. Подышу деревенским воздухом, разберусь в себе, пригляжу за Хэмли... Буду помогать маме, если понадобится.

Ох, хорошая ли это идея? Все-таки план экстремальный даже по моим меркам.

– Поменяться местами, говоришь... – Взгляд у бабушки становится задумчивыми. – И Мэриан готова помочь?

Ясно в чем дело. Вслух она этого не говорит, но ей отчаянно хочется помирить нас с мамой. Вообще-то мне кажется, что бабушка слишком потакает маминым капризам... Но если ей так будет легче...

– Конечно готова! – Я показываю ей экран ноутбука. – Смотри, четыреста джентльменов только и ждут, когда ты приедешь в Лондон.

Бабушка надевает очки и охает, глядя на экран. Но ее снова одолевают сомнения.

– Но у меня и других забот много: собрания Дозора, Ант и Дек, а еще я отвожу всех на бинго... Ты же не будешь всем этим заниматься.

Да уж, дела ответственные – нет слов! Я с трудом сдержи-

ваю улыбку.

– Буду! Сама ведь предлагаю.

Повисает долгое молчание, пока бабушка не говорит:

– Все-таки идея странная...

– Немного странная. Но в то же время гениальная! Учти, отказ я не приму. Даже не думай спорить.

Бабушка смотрит на меня в изумлении.

– Не буду и пытаться. – Она делает глубокий вдох. – Ох! Ты правда думаешь, что я справлюсь с жизнью в Лондоне?

– Ой, бабуль! Вопрос в том, справится ли Лондон с тобой!

6. Эйлин

На следующий день Лина съездила за вещами в Лондон и вернулась в Хэмли – ни секунды лишней там не провела. Наверное, боялась опомниться и передумать. Потому что идея с обменом, конечно, безумная. Идиотская просто.

А еще – потрясающая! В духе молодой Эйлин. Той Эйлин, у которой не было любимого стула на собраниях Деревенского Дозора, привычного кресла в гостиной и годами не меняющегося окружения. Той, чью страсть к блестящим чудачествам Уэйд еще не задушил.

Рассказы Лины о Гайд-парке и ее любимых кофейнях Шордича и впрямь разжигают во мне интерес. А уж если они помирятся с Мэриан... Ради такого я хоть на край света отправлюсь!

Усевшись поудобнее, я переворачиваю страницу блокнота. Главное теперь – основательно загрузить Лину делами. Начальница, конечно, сказала, что ей нужен перерыв и отдых, но есть опасность, что, если ей нечем будет заняться, она снова расклеится. Вот и оставляю ей список моих проектов, чтобы следила за всем в мое отсутствие.

1) По средам в 7 утра гулять с собакой Джексона Гринвуда.

2) В Пасхальный понедельник отвезти всех на бинго к 5 часам вечера (см. подробнее на стр. 2).

3) По пятницам в 5 вечера посещать собрания Деревенского Дозора (записывай, что обсуждали, а то через неделю никто не вспомнит. Если черед Базиля приносить печенье, захвати свое. У него обычно самое дешевое и черствое – даже в чае не размокает).

4) Помочь с подготовкой Майского праздника (я председатель Комитета, но обсуди все с Бетси, она введет в курс дела).

5) Весенняя уборка сада. (Начни с сарая, он где-то под плющом.)

Ну вот. Дел немало.

Я бросаю взгляд на часы: шесть утра и мне скоро уезжать в Лондон. Лина советует не слишком размышлять об этом, все уже решено. Мне и радостно, и тревожно одновременно. За последний год мне ни раз бывало страшно, а вот чувство приятного предвкушения я уже и забыла.

Я сглатываю, руки дрожат. Надеюсь, Мэриан поймет, что некоторое время наедине с дочерью пойдет на пользу им обоим. Уверена, если у нее снова начнутся плохие дни, Лина позаботится о ней.

– Ну как, собралась? – Заглядывает ко мне внучка в пижаме.

Она выглядела такой изможденной, когда приехала в субботу: ее кожа, обычно сияющая и золотистая, была бледной и нездоровой, и она похудела. Теперь кругов под глазами не заметно и вид у нее расслабленный. Может, еще потому, что она наконец-то распустила волосы, а то вечно выпрямляет

их и зачесывает в тугой хвост. Но сейчас кудряшки, на которые она вечно жалуется, как ореол, обрамляют ее маленькое личико с носом-пуговкой и серьезными глазами под шикарными черными бровями – единственное, за что спасибо ее папаше!

Знаю, звучит предвзято, но все же она настоящая красавица.

– Да, собралась. – Мой голос слегка подрагивает.

Лина садится рядом со мной.

– Это список дел для меня? Бабуль, сколько в нем страниц?

– В основном там пояснения.

– А это что? Инструкция к пульту от телевизора?

– Именно. С ним не так-то все просто.

– А здесь... Пароли? И пин-код от карточки?

– На всякий случай, вдруг деньги понадобятся. Карта в тумбочке на кухне. Давай это тоже запишу.

– Нет-нет, достаточно личных данных, – говорит она и достает из кармана пижамы телефон. – Спасибо, бабуль.

– Да, чуть не забыла. Давай-ка его сюда.

– Мой телефон? Зачем он тебе?

– Забираю на эти два месяца. Пользуйся пока моим, и компьютером, если надо, – твой ноутбук я тоже забираю с собой. Раз уж меняемся местами, пусть не одной мне будет польза. Хочешь отдохнуть от Лондона – избавляйся от этих штук, к которым ты вечно приклеена.

Внучка смотрит на меня с неподдельным изумлением.

– Два месяца без телефона и ноутбука? Я ведь не могу...

– Не можешь прожить без своих железяк?

– Могу! – решительно говорит она. – Но зачем... Я рада отдохнуть, но не хочу остаться без связи с внешним миром.

– С кем ты собираешься говорить? Предупреди, что на два месяца сменила номер. Вот прямо сейчас и напишем, кому захочешь.

– А как же рабочая почта?..

Я приподнимаю брови. Она медленно выдыхает с надутыми щеками.

– Лина, это всего лишь телефон. Не рука, не нога. Давай его сюда.

Тяну на себя – не отдает. Но, похоже, осознает глупость положения и разжимает хватку – но глаз с него не сводит. Я тем временем достаю из комода свой.

– Он из каменного века?

– Звонит и сообщения отправляет. А больше тебе и не надо.

Я вновь смотрю на время. Поезд у меня через три часа. Что надеть в дорогу? Зря я тогда не уделила должного внимания спору о кюлотах! Бетси одолжила мне очень славную пару, но не хочется прослыть безнадежно старомодной.

– В дверь стучат? – Лина выглядит изумленной.

Мы замираем в тишине, разделенные лежащими на столе телефонами. Откуда-то доносится настойчивое постуки-

вание, но не со стороны двери.

– Арнольд, наверное, явился, – усмехаюсь я. – Вечно стучится в окно на кухне.

Внучка морщит нос.

– Почему?

– Да кто же его знает! В живой изгороди между моим и его садом есть калитка, вот он и приходит когда ему заблагорассудится.

– Какой нахал, – говорит Лина, пока мы идем к кухне.

– Тише, услышит же!

– А разве Арнольд не оглох?

– Нет, оглох Роланд, муж Пенелопы.

– А! Ну, тогда повторю: какой же нахал! – произносит Лина сценическим шепотом, и я не могу удержаться от смеха.

Широкое лицо Арнольда смотрит в наше окно. Стекло запотело от его дыхания, но все еще можно разглядеть ястребиный нос, растрепанные волосы и очки с толстенными стеклами.

– Что такое, Арнольд? – заговариваю я, нарочно не открывая окно.

Всякий разговор с ним – это битва характеров. Дашь слабинку хоть в чем-то, в самой незначительной мелочи, и он перестанет с тобой считаться.

– Проклятые коты! – кричит Арнольд.

– Не так громко, я прекрасно тебя слышу, – даже не холодным, а ледяным голосом отвечаю я.

– Твои коты съели все анютины глазки!

– Чепуха. Коты цветов не едят.

– А твои еще как жрут! – злобно выплевывает он. – Открой уже окно или пригласи меня войти, поговорим как цивилизованные люди.

– Непременно! – Я вежливо улыбаюсь. – Пожалуйста, походи к входной двери и постучи, и мы узнаем, дома ли я. Как цивилизованные взрослые люди.

Краем глаза я замечаю, что Лина застыла с приоткрытым ртом.

– Я же вижу, что ты дома! – Брови Арнольда грозно ползут к переносице – значит, мне удалось его зацепить. – Открой кухонную дверь, к чему терять время?

– На ней замок заело, – отвечаю я все с той же вежливой улыбкой.

– Да ты утром ходила туда-сюда через нее, когда выносила мусор!

Я вздергиваю бровь:

– Ты что, Арнольд, подсматриваешь за мной?

– Еще чего! Просто... В дождь на дорожке становится скользко. Тебе нужны перила рядом в этой дверью.

Перила! Перила нужны дряхлым старухам, которых ноги не держат. Ужас инвалидного кресла и ходунков меня еще ждет, и встречу я его с гордо поднятой головой. Но пока я проплываю бассейн двадцать раз и даже могу пробежаться трусцой, если опаздываю на автобус, потому предположение

Арнольда, что я дряхлая и нуждаюсь в перилах, меня злит.

Именно поэтому Арнольд и завел этот разговор. Старый хрыч.

– Ну что же, – задорно вступает Лина, – побеседовали плодотворно, но у нас еще много дел, так что давайте закругляться. Арнольд, вы сами-то видели, что коты ели цветы?

Арнольд думает, что ответить. Лжец он ужасный – не может ничего придумать без предварительной длительной паузы.

– Нет, – признается он в конце концов. – Но я знаю, что это коты! Они вечно съедают мои цветы, стоит им распуститься.

Лина глубокомысленно кивает.

– В таком случае, Арнольд, дайте знать, когда будут доказательства. Ах да, кстати, я поживу в доме Эйлин два месяца, так что в дальнейшем иметь дело будете со мной. – Сосед несколько раз удивленно моргает. Я едва сдерживаю улыбку. Как же мастерски Лина угрожает абсолютно спокойным, даже приветливым, голосом. – Договорились, Арнольд?

– Следите за кошками! – брюзжит Арнольд напоследок и уходит к себе.

– Может, поставим забор вместо изгороди? – Лина провожает взглядом Арнольда. – Бабуль, ну ты даешь! Не знала, что ты можешь быть такой стервой.

Я открываю рот, чтобы возразить, но вместо этого лишь улыбаюсь.

– Ты отлично устроишься в Лондоне, – говорит внучка,

сжимая мою руку. — А сейчас подберем идеальный наряд для твоего дебюта в качестве лондонской леди.

* * *

Я стою в коридоре дома Мэриан и обнимаю ее чересчур крепко. Бросаю взгляд в сторону гостиной: кровать Карлы исчезла, но стулья все там же, окружают теперь пустоту. Эта комната уже не станет прежней.

— Со мной все будет хорошо, не волнуйся, — отпуская меня, говорит она твердо. — Молодец, что решила съездить. Ты заслужила отдых.

В глазах у нее снова слезы. Я так давно не видела ее карих глаз ясными и без синяков. Мэриан всегда была красавицей. За ней вечно увивались мальчишки, а девочки копировали ее прическу. Глядя на нас с Уэйдом, можно было только удивляться, в кого она такая. У нее такая же золотистая кожа, как у Лины, а медовому оттенку волнистых волос позавидует любой парикмахер-колорист. Но на ее лице появились новые морщинки, уголки губ опустились вниз, а ноги в лосинах стали худые-худые. Я не хочу бросать ее на два месяца. Не могу, и все.

— Перестань! — Дочка догадалась, о чем я думаю. — Я в порядке. И Лина будет рядом! — Она улыбается, на миг становясь прежней Мэриан — озорной и решительной. — Должна признаться, я и не думала, что ты убедишь Лину остаться на

целых два месяца в непосредственной близости от ее ужасной матери.

– Она не считает тебя ужасной матерью. И это была ее идея!

– Да ладно тебе...

– Говорю тебе, Лина сама предложила! – протестую я. – Но я тоже считаю, что вам на пользу провести время вместе.

Мэриан улыбается, но уже не так весело.

– Да, мам, спасибо. Когда вернешься, мы уже наверняка помиримся и все станет хорошо.

Даже в самый горестный час Мэриан остается оптимисткой. Я целую дочь в щеку. Все-таки мы приняли верное решение. Жизнь семьи Коттон забуксовала, и нам всем не помешает небольшая встряска.

Добравшись до вокзала в Дардейле, я не могу поверить глазам: доктор Петер, добрая душа, привез на школьном микроавтобусе весь наш Деревенский Дозор. От Хэмли сюда путь неблизкий, так что я очень тронута. Бетси со слезами на глазах протягивает мне записку с номером ее домашнего телефона («Вдруг у тебя не записан»). Черт возьми, зачем я бросаю родной Хэмли?! Я смотрю на доктора Петера, Базилу с британским флажком на лацкане твидового пиджака и Лину, стоящую чуть в стороне, худую и осунувшуюся, и моя решимость возвращается.

Наше решение правильное. К тому же мне почти восемь-

десять – когда еще пускаться в приключения, если не сейчас?

Лина провожает меня до купе и просит попутчиков помочь мне с чемоданом в Лондоне. Мы обнимаемся на прощание, и, едва она выходит на платформу, поезд трогается.

Я машу друзьям, и вот Йоркшир уже ускользает вдаль. Поезд мчит сквозь поля в Лондон, и я чувствую внезапный прилив жизни, бодрость духа, азарт и воспрянувшую ото сна надежду.

7. Лина

Мама живет в доме на две семьи на Нижней улице. Ее дверь голубая с медным молоточком.

Некоторое время я стою на крыльце, но все же достаю из кармана бабушкин ключ – свой я забыла в Лондоне. Такая забывчивость, конечно, по Фрейду.

Неловко входить в дом без приглашения, но еще более странно стучаться. Хотя полтора года назад я бы открыла дверь не задумываясь.

Открываю дверь и замираю на пороге, пытаюсь успокоиться.

Коридор не изменился ни капли: слабый запах чистящих средств, старый деревянный столик, плюшевый ковер, который создает ощущение, что ты идешь по дивану. Мама агент по недвижимости и всегда питала страсть к уютным домам, но этот слегка старомоден. Интерьер остался от прошлых хозяев, и теплый желто-кремовый цвет стен совсем не похож на яркие обои в доме моего детства. Этот дом был куплен ради удобства – и он был куплен для Карлы, а не для мамы. Мне до ужаса не хочется в него возвращаться. Ощущение как при внезапной встрече с бывшим парнем – очевидно, вашему прошлому нечего делать в настоящем.

Дверь гостиной. Я вздрагиваю, не в силах на нее смотреть. Отворачиваюсь и вижу на столике у лестницы огромную фо-

тографию сестры. Мама поставила ее в день смерти Карлы, и как же я ее ненавижу – из-за нее каждый визит к маме похож на поминки. А еще Карла на ней совсем на себя не похожа – фотография с выпускного, так что она в вечернем платье и с прической. Колечко из носа она вынула, а брови проколоть еще не успела – и без этого тоже вид непривычный. Она считала, что без пирсинга ее образ не полный, и все шутила, что я ничуть не лучше с моей манией выпрямлять волосы.

Мама появляется на верхней площадке лестницы. Она в джинсах и толстовке и какая-то перевозбужденная – будто я отвлекаю ее от приготовления обеда на толпу гостей или поймала на пороге, когда ей надо бежать по делам.

– Лина, привет! – говорит она, останавливаясь у подножия лестницы.

Какая же она худая!

Вздохнув, я отвожу глаза.

– Привет, мам.

Не могу заставить себя сделать шаг навстречу, она же подходит осторожно, словно боится меня спугнуть. Для меня существуют две версии моей матери. Одна из них – нездоровая, хрупкая, на грани срыва; женщина, которая погубила мою сестру, не желая слушать о другом лечении, экспериментальных препаратах, частной терапии. А вторая мама, вырастившая меня, – вихрь медовых локонов и грандиозных идей. Импульсивная, яркая и неудержимая, и всегда – всегда! – готовая встать на мою сторону.

Меня пугает, что я начинаю злиться от одного ее вида. Я ненавижу это чувство, расплзающееся внутри, как чернила по воде. Какой же глупой была эта затея... Вернуться сюда, да еще и на два месяца! Я хотела перестать злиться – хотела простить ее, но при встрече эмоции вновь взяли верх.

Фитц был прав: не стоило приезжать. Тем более после панической атаки на работе.

– Если честно, я даже не знаю, о чем нам говорить или что делать. – Мама виновато улыбается. – Но я очень рада, что ты здесь. Думаю, это неплохое начало.

– Ага. Я зашла сказать, что готова помочь тебе, если что-то нужно. С уборкой или еще с чем... Бабушка же тебя предупреждала?

– С уборкой? – Мама смотрит на меня с удивлением.

Вообще-то, бабушка толком не объяснила, с чем именно помогает маме, только повторяла, как это важно.

– Сделаю все, что тебе нужно, – отвечаю я, неловко переминаясь с ноги на ногу. Тугой, тревожный узел снова затягивается у меня между ребер.

– Может, чаю? – Мама чуть склоняет голову набок.

Не знаю, что ответить. Думала, что смогу с ней нормально поговорить, но стоило войти в дом – и решимости как не бывало.

Я тяну время, оглядываюсь по сторонам – и мой взгляд падает на любимую мамину фотографию: индонезийский храм и перед ним гибкий йог в позе дерева. Мама вставила ее в но-

вую рамку – единственное изменение во всем доме. Удивительно. Когда у нее был плохой день на работе или когда мы с Карлой доставали ее своими выкрутасами, она показывала на эту фотографию и говорила: «На десять вдохов я там. – Закрывала глаза и глубоко дышала, а открыв глаза, говорила: – Я вернулась. Мне лучше».

Я опускаю взгляд на столик. Он весь усыпан... камешками? Кристаллами?

– Это что?

– А, ты про камни? – рассеянно переспрашивает мама. – Правда, красивые? Заказала в интернете. Этот – снежный обсидиан – забирает грусть, аквамарин заряжает смелостью, а...

– Мам, ты...

Я прикусываю язык. Не стоит говорить ей, что это полная чушь, но до чего же больно наблюдать, как она раз за разом надеется на чудо. Сперва она вся ожившая, уверенная, что камушки все исправят. Но когда обсидиан – сюрприз-сюрприз – не избавляет ее от боли утраты, она снова распадается на части. Бабушка считает, что в подобных надеждах нет ничего плохого, я же думаю, что чудес не бывает. Все, что можно сделать, это продолжать двигаться вперед, даже если чертовски больно.

– Я и для тебя заказала. – Она выбирает один из камушков. – Лунный камень – усиливает интуицию и высвобождает подавленные эмоции. Символ нового начала.

– Только моих эмоций нам сейчас не хватало. – Я пытаюсь шутить, но выходит уныло.

– Боишься, что чувства могут оказаться сильнее тебя? Но это не так. Каждый из моих приступов в итоге шел мне на пользу. Я искренне в это верю.

– Каких приступов?

Я смотрю на нее с непониманием. Она же слегка хмурится и отводит взгляд.

– Не бери в голову. Я думала, бабушка тебе рассказала. – Она протягивает мне лунный камень. – Возьми, Лина.

– Да не нужен он мне. Так что за приступы?

– Возьми, пожалуйста.

– Не хочу я. Что мне вообще с ним делать?

– Положишь у кровати.

– Не возьму.

– Ну почему ты такая упертая?!

Мама сует камешек мне в руку, но я отстраняюсь, и он падает на пол с тихим стуком. Некоторое время мы стоим в тишине, разглядывая маленький нелепый камешек. В конце концов мама его поднимает.

– Начнем сначала, – говорит она уже ласковее. – Заходи, выпьем чаю.

Она указывает на дверь гостиной, и я вздрагиваю.

– Не могу. Бабушка оставила мне список поручений, и...

И у меня еще полно дел.

Повисает пауза.

– Можно мне хотя бы обнять тебя на прощание? – спрашивает мама.

После секундной заминки я делаю шаг ей навстречу. Какая же она хрупкая.

Объятия получаются не очень искренние, скорее формальное прикосновение.

На улице я жадно глотаю воздух, будто задержала дыхание, войдя в мамин дом. Я быстрым шагом иду прочь, потом перехожу на бег. Наконец-то я чувствую, как утихают злость, и страдание, и жалость.

Дойдя до бабушкиного дома, я обнаруживаю в кармане куртки лунный камень. Да уж, если мама вбила себе что-то в голову, она не отступит. И в этом я вся в нее. Отчасти это причина наших проблем.

Обычно в тягостные минуты я предпочитаю уйти в работу. Лучше всего помогают цифры – они наводят порядок в голове куда лучше слов. Слова – они как уголь в руках художника, а вот цифры – заточенный карандаш.

Но раз привычной работы нет, я берусь за бабушкины поручения. Начинаю с сада...

Если честно, удовольствия мало. Какой-то бесконечный процесс.

Я набила два мешка плющом, а потом поняла, что он растет и по другую сторону сарая, и по деревьям, и проникает своими темно-зелеными усиками под сарай. Получается,

плюща здесь больше, чем сарая! Непроходимые заросли. Если их убрать, стены, случаем, не развалятся?

Потирая уставшее плечо, я смотрю на холмы за старой каменной оградой в конце сада. Над ними собираются хмурые серые тучи. Отличное оправдание, чтобы отложить невыполнимую задачу...

Я возвращаюсь в дом. Без бабушки в коттедже как-то непривычно. Я тут теперь как хозяйка – пью чай из ее узорчатых фарфоровых чашек. Хорошо, что хоть на выходных мое одиночество скрасит Итан. У нас обоих выдался трудный год, так что романтические выходные мы заслужили. Сядем перед камином, будем болтать о пустяках, и ни слова о работе. «Сэлмаунт» теперь запрещенное слово. Все рабочие мысли должны быть оставлены у дверей коттеджа «Клируотер»; они не могут пройти через порог. Как вампиры. И Арнольд, если верить бабушке.

Раздается стук в дверь. Именно в дверь, а не в кухонное окно.

Я оглядываю себя: кофта с Баффи вся в земле и листиках плюща. Видок явно не для встречи гостей.

Я подумываю притвориться, что меня нет дома, но это же Хэмли – кто бы ни пришел, он сразу же узнает от Арнольда, что я только что возилась в саду.

Я вытряхиваю из волос самый крупный мусор и иду открывать.

На крыльце ждет пожилая леди, которая оказывается ино-

планетянкой из сериала «Доктор Кто». Уж слишком идеальная старушка: седые кудряшки, аккуратная косыночка на шее, очки на цепочке, двумя руками держит перед собой сумочку. Я видела ее на вокзале среди провожавших и давным-давно в гостях у бабушки с дедом. Кажется, Бетси.

– Здравствуй, дорогая, – говорит она. – Как ты тут без Эйлин?

– Ну-у, гм... Она только вчера уехала, так что все в порядке. Спасибо.

– Теперь ты отвечаешь за ее проекты?

– Да, и вроде как все под контролем. Если бабушка с ними справлялась, то я смогу.

Бетси смотрит на меня очень серьезно.

– С Эйлин трудно тягаться.

– Само собой, я просто...

Не успеваю опомниться, как Бетси проскальзывает мимо меня и решительно шагает в гостиную. Я смотрю ей вслед, недоумевая, но все же вспоминаю о хороших манерах.

– Не хотите ли чашечку чая? – спрашиваю я и закрываю дверь.

– Черный, две ложечки сахара!

Бетси уже устраивается в кресле.

По пути на кухню я удивленно качаю головой: если бы кто-то из соседей вот так ввалился в мою квартиру в Лондоне, я бы вызвала полицию!

Я разливаю чай, и наступает тишина. Бетси смотрит на

меня выжидающе, но я не знаю, что и сказать. С бабушкой-то легко, я же ее всю жизнь знаю. А о чем говорить с другими стариками? Даже с дедушкой Уэйдом я толком не общалась, считала его старым козлом и в основном игнорировала.

Я пытаюсь представить, что это встреча с новым клиентом, и придумываю тему для светской беседы, но Бетси успевает первой:

– Как поживаешь, Лина?

– Все хорошо, спасибо.

– Мне действительно интересно, как у тебя дела. – Бетси пристально смотрит на меня водянисто-голубыми глазами.

– Да все хорошо, честно. – Я ерзаю на стуле.

– Уже ведь... Боже, уже больше года, как вы потеряли Карлу?

Терпеть не могу эту формулировку – «потеряли Карлу». Будто мы просто недоглядели, и она куда-то убежала. Хотя нет правильных слов, чтобы говорить о смерти, – они все слишком незначительные.

– Год и два месяца.

– Замечательная была девушка.

Опускаю глаза в чашку. Я сомневаюсь, что Карла действительно нравилась Бетси – моя сестра была слишком дерзкой и наглой, чтобы заслужить одобрение такой старушки. Я стискиваю зубы и с удивлением ощущаю подступающие слезы.

– Маме вашей тоже тяжело...

С чего вдруг мы говорим на личные темы?

Я делаю несколько глотков чая – он слишком горячий и обжигает язык.

– Каждый переживает горе по-своему.

Это моя любимая фраза для подобных разговоров. Обычно она сводит все обсуждение на нет.

– Она замкнулась в себе, да? И как она? Справляется?

Я в изумлении смотрю на Бетси – ей не кажется, что это уже все границы переходит?!

– Мы бы с радостью ей помогли... – продолжает она.

– Да что вы можете сделать?! – Я говорю слишком резко, и Бетси обиженно отшатывается. – То есть я не знаю...

– Я поняла. От меня здесь точно не будет никакого толку, – сухо отвечает она.

– Нет-нет, дело в другом...

Я замолкаю, стараясь подобрать правильные слова, и тут в тишине раздается пронзительный писк телефона. Бетси целую вечность ищет его в кожаной сумочке.

– Алло?

В трубке дребезжит неразборчивый голос.

– В холодильнике есть ветчина и сыр, можешь сделать бутерброд.

Опять дребезжание.

– Намажь майонез на хлеб и... Да, Клифф. Постарайся... Ладно, мой дорогой, скоро буду. Честно. Бегу-бегу.

Неужели муж только что вызвал ее домой, чтобы она сде-

лала ему бутерброд? Бывает же... Попробуй Итан о таком попросить, я бы решила, что это шутка, уж слишком нелепое требование. Видимо, у мужей этого поколения готовка не в чести.

Бетси убирает телефон и решительно встает, но, не рассчитав силы, падает обратно на стул, как неваляшка.

– Посидите еще немного, – прошу я, чувствуя себя виноватой. – Ваш муж ведь может немного потерпеть?

– Мой муж не может ждать, – резко отвечает она. – Мне пора.

Тогда я встаю и подаю ей руку.

– Не нужно, я в порядке. – Она выбирается из-за стола и вновь окидывает меня серьезным взглядом. – Ты, Лина, понимаешь, какой на тебе груз ответственности?

Я с трудом сдерживаю улыбку, а Бетси хмурится еще сильнее.

– Уверена, что для такой, как ты, дела Хэмли кажутся полной ерундой, но на самом деле у Эйлин было полно забот. И тебе придется взять их на себя. Про планирование Майского праздника помнишь?

– Конечно. – Я делаю серьезное лицо. – Не подведу.

– Хорошо. Я занесу тебе список дел. До встречи, Лина. – Взмахнув рукой, она направляется к двери.

8. Эйлин

Настоящее чудо, что я еще на этом свете. Со дня приезда в Лондон я уже пять раз чуть было не рассталась с жизнью.

1) Меня едва не задавил так называемый «велобус» – странного вида транспорт, приводимый в движение компанией шумных молодых людей, которые крутят педали и одновременно пьют пиво. Еле спаслась бегством. Колени наверняка потом будут болеть.

2) Я встала слева на эскалаторе (так, оказывается, не принято).

3) Съела «жаркое», приготовленное Фитцем, – несъедобная гадость. Надо будет научить его готовить.

4) Делала пересадку в метро со станции «Монумент» на станцию «Банк». Переход занял целую вечность. После бегства от велобуса ноги подкашивались, так что пришлось отдохнуть рядом с уличным музыкантом, играющим на укулеле. Приятный молодой человек. Даже разрешил присесть на колонку.

5) Познакомилась с соседской кошкой – дикая, полосатая, с подранным ухом. Я поднималась по лестнице, а она с шипением бросилась на меня. А потом, бедняга, ударилась о перила.

Стыдно признать, но я не просто устала за это время, а вымоталась. Лондон такой суетливый, а люди тут такие несчаст-

ные. Один мужчина в метро выбрался на меня за нерасторопность, а когда я остановилась, чтобы достать карту, в меня влетела девушка и даже не извинилась. Затем я столкнулась с соседями Лины – молодой экстравагантной парочкой в носках и сандалиях – и вежливо поздоровалась, но женщина лишь глаза закатила в ответ.

Мне не место в большом городе. За весь день я встретила лишь трех человек, кому на вид было за семьдесят, – и один из них оказался уличным артистом в образе Эйнштейна.

Наверное, будь у меня компания, было бы легче. Вот Уэйд, например... Впрочем, Уэйд в жизни не согласился бы переехать в Лондон. По нему я не скучаю ни капли, однако мужа – того, кто подаст руку на выходе из автобуса и подержит зонтик, пока я расплачиваюсь за чай, – мне не хватает.

Так, надо сохранять позитив. Мое приключение только началось, а вначале обычно труднее всего. Завтра вечером ко мне заглянет Би, подруга Лины, и поможет разобраться с сайтами знакомств. Лина сказала, что она в этом настоящий эксперт. Быть может, вскоре меня ждет свидание...

Молоко в холодильнике Лины прокисло, я со вздохом выливаю его в раковину и готовлюсь к очередной вылазке из дома. Теперь, не отвлекаясь на разговор с невежами в носках и сандалиях, я внимательнее осматриваю первый этаж. Просторный вестибюль с тремя диванчиками. Один из них испачкан чем-то подозрительно темным, остальные – чем-то подозрительно светлым. Ковер явно знал лучшие време-

на. Зато окна просто великолепные – большие и с солнечной стороны. Здесь наверняка задумывался общий холл, но им никто не занимается. Жаль.

Вернувшись из магазина, я опять встречаю полосатую кошку. Она спрыгивает с запачканного темным дивана и трется о мою ногу. Ходит она при этом как-то странно. Надеюсь, это не из-за удара о перила. Утром я видела ее хозяйку – сгорбленную лысоватую старушку с сумкой-тележкой.

Кошка зигзагами идет к лестнице. Если бы кто-то сообщил мне, что с Антом или Деком что-то не так, я была бы благодарна. Возможно, в городе другие нравы, но хороший сосед – это хороший сосед, где бы вы ни жили.

Я поднимаюсь по лестнице и стучусь в дверь владелицы кошки, пакет с продуктами ставлю на пол.

– Кто? – отзываются из-за двери.

– Здравствуйте! Я бабушка Лины!

– Кто-кто?!

– Бабушка Лины!

– Чья бабушка?

– Лины, вашей соседки.

Возможно, она понемногу теряет рассудок. Как Пенелопа – ужасно печально, конечно, но с другой стороны, она позабыла все обиды на Роланда, и теперь у них практически второй медовый месяц.

– Это которой? – хрипло спрашивает женщина. – Лесбиянка, модница или та, третья?

Я задумываюсь. Лесбиянка – это Марта: я спросила об отце ребенка, и она мне все уши прожужжала о своей подружке. Модница? Я, конечно, люблю внучку, но она носит или деловой костюм, или растянутый свитер.

– Кажется, третья...

– Невысокая и с зализанным хвостом мышиного цвета? Вечно хмурая и суетится?

– У Лины прекрасные волосы! – возмущаюсь я и тут же прикусываю язык. – Но... Да, она.

– Гм... Тогда спасибо, мне это не нужно, – говорит женщина, и я слышу, как она шаркает прочь от двери.

– Что не нужно? – Я повышаю голос.

– То, что вы предлагаете.

Я хмурюсь.

– Ничего я вам не предлагаю!

Начинаю понимать, почему Арнольд возмущается, когда я не пускаю его в дом. Не самый удобный способ вести разговор.

– Я по поводу вашей кошки.

– Ах, вот оно что, – тянет она настороженно, но через мгновение все-таки приоткрывает дверь на пару сантиметров. На меня смотрят два больших карих глаза.

– Боюсь, она ударилась о перила... – Тон получился какой-то извиняющийся. – Она в них врезалась.

Глаза прищуриваются.

– Пнули ее, да?

– Что?! Нет! У меня, знаете ли, два черных кота: Ант и Дек.

Глаза округляются, и дверь приоткрывается еще немного.

– Я люблю черных котов, – говорит женщина.

– Тогда мы с вами подружмся. – Я с улыбкой протягиваю руку. – Эйлин.

Женщина медлит, но все же ее пальцы касаются моих.

– Летиция. Может быть, вы... – Она откашливается. – Вы не хотите зайти? Расскажите, что стряслось с кошкой, – добавляет она поспешно.

– С удовольствием.

Квартира Летиции причудлива, под стать владелице. Хотя ожидала я немного иного. Сама соседка немного похожа на бездомную, но ее квартира – совсем другое дело. В ней полно антиквариата и диковинок: старинные монеты выложены на дубовых столиках; перья, сверкающие золотом и лазурью, свисают с бельевой веревки; хрупкие фарфоровые чашки аккуратно расставлены в шкафах с хлипкими ножками и коваными ручками. Поразительное зрелище. Что-то среднее между антикварным магазином, очень тесным музеем – и, возможно, детской спальней.

Я пью уже третью чашку чая и с улыбкой рассматриваю хозяйку через коллекцию горшков и ваз, занимающих большую часть обеденного стола. И чувствую себя лучше, чем за весь сегодняшний день. Кто же знал, что такая удивительная женщина живет по соседству! Лина никогда о ней не упоми-

нала. Похоже, они редко встречались. Хотя мне трудно в это поверить, учитывая, что их квартиры разделяет лишь тонкая стена. Как я понимаю, Летиция вообще не общается с соседями. Точнее, это они с ней не разговаривают.

– Никто? Ни один человек не пришел представиться, когда переехали в это здание? – с удивлением спрашиваю я.

Летиция качает головой, отчего ее длинные серьги звенят. Вид у нее довольно мистический.

– Никто со мной не разговаривает, – объясняет она спокойно. – Ты первая с... Дай подумать... С той пятницы, когда я получила посылку из Исландии.

– Как печально. А холл на первом этаже? Если устроиться там на диванчике и попытаться заговорить с проходящими?

– Однажды я так и сделала, но кто-то пожаловался, что я «порчу имидж здания». Сижу теперь в квартире, чтобы никого не смущать.

– Ужас! Тебе не бывает одиноко? – спрашиваю я и тут же поражаюсь собственной бестактности: – Ой, прости! Не мое это дело.

– Мне и правда бывает одиноко, – признается Летиция. – Но у меня есть Солнцестояние – кошка. Она, кстати, всегда так странно ходит.

Начали мы разговор и правда с кошки, но потом перешли на другие темы, и вот уже прошло три часа.

– Мне очень жаль, что Лина ни разу к тебе не заглянула. Соседка пожимает плечами. Я замечаю пятна на ее платье

и слегка морщусь.

— Насколько могу судить, она-то и дома почти не бывает. А если приходит пораньше, то всегда со своим ухажером с зализанным волосами. Он мне не нравится. Какой-то... — Летиция взмахивает рукой и задевает ловца снов и китайские колокольчики над головой. — Скользкий тип.

Летиция нравится мне все больше.

Она смотрит в мою чашку — на дне ее листья черного чая.

— Хочешь, погадаю? — спрашивает она.

— Ты умеешь читать чайные листья?

— Раньше была гадалкой. Даже на Трафальгарской площади читала по ладони.

Летиция, возможно, самая интересная женщина за всю мою жизнь. И подумать только, что она торчит здесь круглые сутки и ни одна душа не приходит поговорить с ней! Сколько таких удивительных личностей ютится в квартирках по всему Лондону?

— Как интересно! — Я подвигаю к ней свою чашку.

— Возьми ее в левую руку и сделай небольшой водоворот.

Я делаю, как велено, наблюдая, как листья кружатся в последнем глотке чая на дне чашки.

— Так?

— Так.

Она берет чашку и аккуратно сливает чай в блюдце. Медленно поворачивает ее, всматриваясь в оставшиеся листья. Я же от волнения почти не дышу. Не сказать, что я верю в

предсказания, но все же... Интересно, что сказал бы Уэйд – наверняка что-нибудь язвительное. Вообще, мнение этого старого хрыча меня больше не волнует.

– Хм... – задумчиво тянет Летиция.

– Ну, что там?

Поджав губы, она снова хмыкает и бросает на меня виноватый взгляд.

– Ничего не получается? – спрашиваю я, пытаюсь заглянуть в чашку.

– Наоборот, кое-что интересное... – Она потирает подбородок. – Вырисовывается довольно четко.

Летиция подталкивает чашку в мою сторону.

Я опускаю взгляд, но краем глаза замечаю, как затряслись плечи моей новой знакомой. Спустя миг и меня разбирает смех. Летиция хохочет до слез.

Чайные листья похожи на... гениталии. Мужские. Более отчетливого и нарочно бы не получилось.

– К чему бы это, интересно? – спрашиваю я, отсмеявшись.

– Думаю, тебя ждет что-то по-настоящему хорошее, – говорит Летиция, вытирая глаза. – Ну, или просто заварочка попалась херовая!

Я охаю от резкого словца, а затем опять взрываюсь смехом. Я такой счастливой не была... Да уже и не помню сколько!

– Ты еще заглянешь? – спрашивает Летиция.

Я тянусь к ее руке, стараясь не задеть ни одну из ваз.

– С огромным удовольствием! – Я киваю на чашку. – Тебе ведь интересно, сбудется или нет это маленькое предсказание.

– Не такое уж и маленькое! – говорит Летиция, и мы снова смеемся.

9. Лина

Шесть часов двадцать две минуты. Я опять не сплю. Похоже, это мой новый режим.

Я бегу в туалет, а потом забираюсь обратно в кровать, в надежде поспать еще чуть-чуть. Но я забыла закрыть дверь в спальню, и Анту требуется примерно двадцать секунд, чтобы улечься мне на голову.

Я спихиваю кота и встаю. Оказывается, это был Дек, а не Ант. Вот это шутка в стиле бабушки: назвать похожих как две капли котов Антом и Деком². Впрочем, она наверняка будет настаивать, что это идея деда.

Я иду в кухню, а кот плетется следом, не переставая жалобно мяукать, – приходится его покормить. Ох, как же мне не хватает кофемашины Фитца! У бабушки множество сортов чая в аккуратно подписанных жестяных баночках из-под печенья, но хочется именно кофе.

Сегодня среда, значит, мне гулять с собакой Джексона Гринвуда. Вчера я допоздна пекла ей специальное лакомство из того, что нашлось в холодильнике. Я провела небольшое исследование о выгуле собак и выяснила, что угощение – важная составляющая прогулки. А так как магазины (точнее, магазин) уже закрылись, пришлось самой что-то изобретать

---

² Ант (Энтони Макпартлин) и Дек (Деклан Доннелли) – дуэт популярных британских телеведущих.

– получились липкие кубики из фарша, яиц и измельченных хлопьев. Выглядят отвратительно.

Я жду, пока закипит чайник, а в голове крутится вопрос: на что, черт возьми, я трачу свою жизнь? Но поскольку такие мысли редко приводят к чему-то плодотворному, да и менять планы уже поздно, я заканчиваю с рефлексией и завариваю чай.

Я выхожу из кухни с чашкой в руке и замечаю на коврике у двери конверт с крупной надписью «Лине Коттон».

Обязанности по планированию Майского праздника, возложенные на Лину Коттон на время отпуска Эйлин Коттон, сопредседателя Комитета.

Отпуска! Я чуть не давлюсь чаем, но продолжаю читать.

- 1) Блеск
- 2) Освещение
- 3) Обрезка деревьев – договориться
- 4) Киоски с едой
- 5) Найти спонсора
- 6) Гирлянды
- 7) Биотуалеты
- 8) Указатели
- 9) Парковка
- 10) Костюмированное шествие

Вот это уже интересно. Мероприятие, судя по всему, намечается масштабное. Мне еще не доводилось организовывать праздники, а судя по этому списку, на бабушке вся логи-

стика: парковка, указатели, еда и... блеск. Надо будет уточнить у Бетси, что она имела в виду.

Внутри меня вспыхивает огонек предвкушения, как на работе перед новым проектом. И я вспоминаю идеальные таблицы бизнес-плана для нашей будущей фирмы «V&L Индивидуальный консалтинг». Все файлы хранятся в облаке, чуть позже скачаю их на бабушкин компьютер.

Я готова к работе! Одним глотком допиваю чай и вновь пробегаю глазами список. Пункт «найти спонсора» зачеркнут. Бабушка упоминала, что хотела найти спонсора для Майского праздника, а прибыль от билетов передать в благотворительный фонд по борьбе с раком. Неужели они передумали?

Я хмурюсь, беру ручку со стола в холле и ставлю звездочку напротив вычеркнутого пункта.

Еще одна чашка чая – и выхожу на улицу.

Интересно, какой сейчас Джексон Гринвуд? В детстве он жил с Арнольдом, и я, приезжая в Хэмли, часто его видела. Он был тихим необщительным мальчиком, постоянно играл во дворе со своим старым псом. Джексон был из тех детей, которых все считают «проблемными», но на самом деле ничего плохого они не делают. Просто угрюмый ребенок.

Теперь Джексон работает учителем младших классов. В голове не укладывается. В моем представлении все учителя энергичные и улыбчивые люди, Джексон же всегда казался сердитым.

Он живет в одной из новостроек на окраине Хэмли. На фоне тенистых холмов Йоркшира дома эти кажутся до странного плоскими, словно двухмерная модель будущих таунхаусов. В свете уличных фонарей газоны и клумбы кажутся серыми и однообразными, и только перед дверью Джексона настоящая буйная растительность. Он разбил небольшой огород. Боюсь подумать, что думают его соседи, чьи палисадники – терракотовые горшки с розмарином, по шпалерам тянется виноградная лоза – гораздо лучше вписываются в атмосферу квартала.

В ответ на мой стук раздается громкий, возбужденный лай. Внезапно он обрывается, и я догадываюсь, что кого-то только что отчитали.

Когда Джексон открывает дверь, я не успеваю даже взглянуть на него – большой черный комок опрокидывает меня на землю.

– Ой! – Я ударяюсь копчиком и ладонью, но это только полбеды – пес увлеченно вылизывает мое лицо. – Ну, привет-привет... Дай мне... Боже...

Пес забрался ко мне на грудь и ухватил зубами кулон с шеи, решив с ним поиграть.

– Ох, черт. Извините. – Массивная рука тянет собаку за ошейник. – Хэнк, сидеть.

Хэнк тут же с меня слезает и садится рядом с хозяином, подняв на него обожающий взгляд. Увы, цепочку он сорвал: кулон свисает из пасти.

Я с удивлением гляжу на Джексона. Это, конечно, тот самый соседский мальчик, но если в детстве он весь был вечно сжатый и колючий, то теперь его словно... разгладили: напряженная раньше челюсть расслаблена, сутулая спина расправилась. Широкоплечий, заспанный великан с лохматыми каштановыми волосами. На футболке у него, кажется, кофейное пятно, а на левой коленке джинсов огромная дырка. Загорелые руки – настоящее достижение для английской весны, – и на левом запястье бледный след от часов.

Смотрит он на меня со смесью недоумения и смущения. Впрочем, у него с детства такое непроницаемое лицо, что не понять, то ли он полон загадок, то ли два слова связать не умеет.

– Вы не Эйлин Коттон, – удивляется он.

Его йоркширский акцент с годами только усилился. Ну, или я слишком давно с ним не разговаривала.

– Вообще-то, она самая. Я Лина. Помнишь меня?

Он задумчиво щурится, а через несколько минут наконец осознает:

– Лина Коттон?!

– Ага!

– Да уж... – Джексон отводит взгляд и откашливается. – Ты стала... другой. В смысле, изменилась.

– Ты тоже! Стал более...

Я краснею. Хотела сказать «мужественным», но, пожалуй, не буду. Лучше сменить тему.

– Слышала, ты в школе работаешь?

– В младших классах.

Он проводит рукой по волосам, но они все равно торчат во все стороны.

– Здорово!

Тут я замечаю, что Хэнк обронил цепочку на асфальт и теперь пытается ее поднять – что не так-то просто, когда у тебя лапы.

– Значит, вот твоя собака! – Тон получился излишне возмущенным. Да что это со мной?

– Да, – кивает Джексон. – Это Хэнк.

– Тогда мы пойдем?

– Куда? – задумчиво переспрашивает Джексон.

– Ну, на прогулку...

Джексон опускает глаза на Хэнка. Пес смотрит на хозяина, а хвост его гоняет туда-сюда мою цепочку.

– А Эйлин где?

– Бабушка тебя не предупредила? Она уехала в Лондон на два месяца, а я пока живу у нее. Все, чем она занималась в Хэмли, теперь на мне.

– Значит, дел у тебя будет много, – говорит он, почесывая затылок.

Этот жест неплохой способ продемонстрировать бицепсы, но Джексон, кажется, делает его бессознательно. Во всем его облике проглядывает какая-то ненамеренная сексуальность, а ярко-голубые глаза и типичный нос игрока в регби – ис-

кривленный на одну сторону из-за старого перелома – безусловно, добавляют шарма.

– Ничего, справлюсь!

– Ты раньше выгуливала собак?

– Нет, но не волнуйся, я подготовилась!

Не стоит ему знать, сколько времени я потратила на чтение статей про выгул собак и особенности породы лабрадор-ретривер. К тому же я внимательно изучила маршрут, описанный бабушкой.

– Ему всего восемь месяцев. – Джексон опять проводит рукой по волосам. – Тот еще непоседа, но Эйлин с ним отлично управляется. Благодаря ей по средам я приезжаю на работу пораньше и разбираюсь с делами до прихода учеников.

Я наклоняюсь, чтобы поднять кулон, но Хэнк твякает и пытается схватить меня за руку. Невольно вскрикиваю. Хотя сама виновата! Читала же, что нельзя вот так трогать собаку, сперва она должна обнюхать руку.

– Хэнк! Как некрасиво. Сидеть.

Тот пристыженно садится, понутив голову. Но не верю я в его раскаяние – хитрый взгляд продолжает следить за моим кулоном.

– Значит, гулять мы будем примерно час, так?

– Если ты еще не передумала... Я уже уйду на работу, так что вот ключ. Хэнка нужно запереть на веранде.

Я в замешательстве. Нельзя сказать, что мы с Джексоном

впервые видим друг друга, но ведь не общались уже лет десять – и он вот так дает мне ключ от своего дома.

Хэнк отвлекает меня от размышлений, решив проверить, не лакомство ли я держу в руках. Джексон вновь велит ему сесть.

– Чертенок. Я еще не встречал собаки, настолько плохо поддающейся дрессуре, – с сожалением говорит он, качая головой и не переставая нежно чесать Хэнка за ухом.

Чертенок, значит. Ну, отлично.

– Ты уверена, что хочешь с ним гулять? – еще раз спрашивает Джексон, быть может, заметив сомнение в моем взгляде.

Должна признать, уверенности у меня поубавилось, но если Джексон считает, что я не справлюсь...

– Мы отлично погуляем. Так ведь, Хэнк? – говорю я с напускной уверенностью.

Пес возбужденно прыгает вокруг меня, и я пока не понимаю, как его остановить. Видимо, сугубо теоретических знаний в этом деле недостаточно.

– Ну, мы пошли! Пока!

– До скорого! – кричит Джексон нам вслед. – Если возникнут какие проблемы, ты...

Конца фразы я не слышу, Хэнк решительно тянет меня вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.